

М
Ева

С. 104

Ева Мелоди

Отпусти мои крылья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36629705

SelfPub; 2018

Аннотация

Эта история стара как мир. Два лучших друга и девушка. Все началось со старших классов школы, но первые чувства эта троица пронесет через года, чтобы однажды все-таки разобраться... кому обрести счастье и любовь, а кому упасть в бездну отчаяния и быть отвергнутым. В оформлении обложки использованы фото с сайта reexels. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	25
Глава 2	40
Глава 3	54
Глава 4	67
Глава 5	83
Глава 6	99
Глава 7	113
Глава 8	123
Глава 9	132
Глава 10	148
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Ева Мелоди

Отпусти мои крылья

Пролог

Каждый шаг по направлению к черному входу казино дается мне с величайшим трудом. Стоило высокому громиле-охраннику распахнуть передо мной двери, сердце разом ушло в пятки. В просторном холле предзакатная жара сменяется прохладой. Охранник, встретивший меня, будто немой, молча кивает, приказывая следовать за ним на второй этаж. Туда ведет витая мраморная лестница. Ледяной ладонью прикасаюсь к тускло поблескивающим золоченым перилам, сжимаю их, боюсь, что ноги не удержат меня в вертикальном положении.

Второй этаж встречает роскошным убранством – дорогие полотна на стенах, ворсистый светло-серый ковер под ногами смягчает звук шагов.

Я никогда не бывала в казино, не знаю, как в таких местах все устроено. Тем более не доводилось мне бывать внутри самого сердца игорного здания, куда простым смертным путь запрещен. Где обитает король. Тот, кто владеет всем этим роскошеством. Впрочем, меня никогда не интересовало все это, я была бы счастлива никогда не побывать в этом

месте. А еще лучше, если бы сегодняшний день обнулится, исчез. Но это не в моих силах, поэтому я покорно иду за охранником. Внутри все дрожит от страха. Приказываю себе собраться. Сегодня все закончится. Я так устала от противостояний и войн, устала защищать себя, устала убегать. Я больше не хочу сопротивляться. Да и не могу, наверное, если быть окончательно честной. Окружившая меня вычурность этого места, интерьера, картин, ковров, изысканного дизайна, заставляет почувствовать себя еще более одинокой и несчастной, хотя еще недавно я думала, что хуже ощущать себя невозможно. Дальше падать просто некуда. Но сейчас кажется, стены угрожающе смыкаются вокруг меня, и сама я вот-вот затеряюсь в этом месте, перестану существовать.

Мой провожатый останавливается возле широкой двери из красного дерева и снова кивает, приказывая мне войти внутрь. Мои пальцы впиваются в косу, заплетенную утром. Сейчас мне не хватает возможности спрятаться за распущенной копной волос, как привыкла с детства. Делаю глубокий вдох и приказываю себе двигаться вперед с гордо выпрямленной спиной. Умение скрывать эмоции и чувство собственного достоинства, которым так долго учила меня бабушка, помогают мне сейчас сохранять самообладание. Последнее, что у меня осталось. Но скоро и это Артур Бурмистров отберет у меня.

Прохожу в большую просторную комнату, судя по обстановке – рабочий кабинет. В центре у стены – огромный рез-

ной стол из красного дерева, заваленный бумагами.

Мне хочется осмотреться, понять, где нахожусь, что за помещение выбрал Артур, чтобы получить свой приз. Но не смею. Стою посреди кабинета, опустив голову, окутанная чувством стыда. Я долго убегала, сопротивлялась, боролась, но все-таки пришла к финалу, который Артур мне обещал. Я здесь, потому что он этого хочет. Здесь, чтобы продать себя. Боль от осознания этого позорного факта ножом пронзает грудь. А мужчина, небрежно развалившийся в большом черном кожаном кресле, внимательно наблюдает за мной. Не могу сдержаться и тоже разглядываю его из-под полуопущенных ресниц. Небрежная прическа невероятно идет ему. Добавляет нотку ранимости в его стальные доспехи – высокая, мускулистая, мощная фигура атлета, широкие плечи, узкие бедра. Человек, обожающий спорт. И не менее – хорошую драку. Таким он был всегда. Безбашенно гонял на мотоцикле, на спортивном автомобиле. Всегда – сплошное безумие и драйв. Везде первый. Самый желанный для всех. А если еще прибавить власть и богатство? Известная семья в городе, ни в чем нет отказа...

По-прежнему красив, настолько, что больно смотреть. Хотя нет, он стал еще красивее, привлекательнее. Мощнее. От него так и исходят флюиды силы. От него веет болью. Когда-то он причинил мне много боли. Преследовал, как дикого зверька. И вот сейчас готовится праздновать победу. Знает, что больше мне некуда бежать.

И все же он бесконечно близок мне, дорог так же, как и ненавистен... Сердце пускается вскачь, и я отвожу взгляд. Артур постукивает длинными пальцами левой руки по спинке кресла. Никаких иллюзий по поводу того, что он сегодня сделает со мной. Он никогда не отступал от намеченного. Его светло-серые глаза ждут, когда я отвечу на взгляд. Приму его. Желудок сжимается от страха, но я смело встречаюсь с колючим серебром его глаз. Несколько минут бесконечно глубокого молчания. Осознаем происходящее. Вспоминаем прошлое. Осязаем друг друга. Мы не были вот так близко много лет...

– Ну привет, Василина, – заговорил наконец Артур. Даже его голос изменился. Стал резче. Жестче.

– Здравствуй. Я пришла, как ты и хотел.

– Вижу. Рад встрече.

Сухое безэмоциональное приветствие. Хотя чего я ожидала? Что набросится на меня с порога? Нет, это не его стиль. Артур любит играть.

– Мне снять платье? – спрашиваю холодно, не обращая внимания на свой зашкаливающий пульс. – Или просто задрать вверх и прислониться к стене?

– Торопись куда-то? – равнодушно интересуется Артур. – Мы давно не виделись. Есть, о чем поговорить. Но если желаешь стоя с задранной юбкой – я не против. По мне, так ты в любой позе хороша.

Свирепею от его слов. Ненавижу его в эту минуту так

сильно, что темнеет в глазах. Хочется резко рвануть вперед и ногтями впиться в безупречно красивое лицо этого подонка. Но знаю, что это ничего не изменит. Холодный рассудок, неведь откуда проснувшийся в моем воспаленном от гнева сознании, говорит, что это лишь навредит моей ситуации. Еще больше усложнит ее.

И вальяжно раскинувшийся за столом мужчина это тоже отлично знает. Поэтому спокоен, равнодушно взирает на то, как муха бьется в сетях паука.

Перестань, приказываю я себе. Убери эмоции. Сегодня ты проститутка. А они не спорят с клиентами – лишь удовлетворяют их нужды. Ублажи эго этого мужчины, подари власть, дай ощутить сладкое чувство мести. В конце концов, это просто секс. И это не какой-нибудь потный дальнобойщик. Не знаю почему, но у меня проститутки всегда ассоциировались именно с такими клиентами. Бородатыми, грязными, вонючими. Иначе зачем мужчине платить за секс? Было у нас в пригороде шоссе, где иногда стояли представительницы древнейшей профессии. Проезжая мимо на маршрутке, я всегда смотрела на них с жалостью и брезгливостью. И вот теперь пополнила их ряды...

Но все же вру себе. Я – не такая проститутка. Меня купил единственный мужчина, и купил лишь на одну ночь. Завтра утром я выйду отсюда свободной. И если пожелаю, смогу забыть о собственном падении. Артур всегда держит слово – этого не отнять. И то, что сейчас я в положении проститут-

ки – на самом деле не его вина, а лишь моя. Когда-то давно я разбила этому мужчине сердце, причинила сильнейшую боль. Я была слишком молода и глупа, чтобы разобраться в наших эмоциях, чувствах. И я была столь же мстительна, как Артур в данный момент. Я его разрушила, растоптала. А в результате, потеряв его, потеряла себя...

– Раздевайся.

Холодный приказной тон разрезает воздух лезвием. Я встречаю взгляд Артура, ожидая увидеть похоть и жажду мести. Но вижу лишь усталость. Остальное он тщательно скрывает. Не любит показывать эмоций.

Воздух наполняется электрическими разрядами. Скоро все закончится, еще раз подбадриваю себя. И едва сдерживаю истерический смех. Нашла чем! Когда все это закончится, от меня не останется ничего. Лишь жалкие ошметки гордости.

Внутри все вопит – беги. Уходи отсюда. Не разговаривай, не объясняй, не спорь – просто беги.

Но не смею. Я уже не владею собой, своим телом, жизнью. Этот мужчина купил меня, как в средневековье покупали рабынь. Опутал сетями долгов. Я его игрушка, забава. Совсем как прежде, в юности. Мой личный враг. Мой ад на земле. Такой красивый и такой жестокий.

Положив сумочку на диван, начинаю неуклюже расстегивать боковую молнию платья. Достаточно разговоров. Пусть сделает, что хочет. Может, получив запретный плод, поймет,

что не так уж он сладок...

Артур равнодушно смотрит на мои жалкие потуги с молнией. Наконец, она поддается, и я резким движением снимаю платье, оставшись лишь в трусиках и бюстгальтере. Ничего особенного, обычный кремовый кружевной комплект. Впрочем, никогда не имела развратного нижнего белья. Тут мне нечем удивить Артура. Да и он, наверное, об этом догадывается.

– Положи платье на кресло.

Как же я ненавижу сейчас этого мужчину! Злость буквально ослепляет меня, приходится сжать ладони, вонзить ногти в кожу, чтобы физическая боль хоть немного охладила пылающую внутри ярость. За что мне все это? Почему именно ко мне привязался этот богатый пресыщенный ублюдок? Почему в наш современный век технологий я чувствую себя как в древности, придя сюда платить по счетам своим телом? Или какие бы ни были времена, всегда найдется тот, кто может прогнуть тебя под себя, поставить на колени, поиметь, как пожелает?

Бросаю платье, обхватываю себя руками в безотчетном желании прикрыться, спрятаться от его пристального взгляда.

– Подойди к дивану. – Теперь в голосе Артура отчетливо слышны резкие приказные ноты, хорошо знакомые мне по школе. Взглянув на него, застываю под холодом серебристых глаз. Сердце подскакивает к самому горлу. Гнев, кипящий

внутри, уступает место панике.

Я не хочу этого. Не желаю быть жертвой. Не хочу близости. Только не сейчас и не с ним.

Отодвинув кресло одним внезапным движением, Артур поднимается из-за стола и направляется ко мне.

Пячусь от него, в результате делаю то, что приказано – приближаюсь к треклятому дивану... Поворачиваюсь спиной к подошедшему сзади мужчине. Вот уже мои колени касаются кожаной обивки. Задыхаюсь от паники. Прикусываю дрожащую нижнюю губу, не готовая к такой быстрой атаке.

Артур позади меня, совсем близко. Меня пронзает мысль: к чему в первую минуту прикоснется его рука? Мое тело охватывает жар, горит буквально каждая клеточка кожи. Как будто это не вынужденная мера привела меня сюда, а неистовая жажда, всепоглощающее влечение к этому мужчине. Но ведь это не так, твержу про себя. Не так!! Нет!

Его первое прикосновение – шея. Сильная рука обхватывает меня сзади за горло и заставляет отклониться назад. Второй ладонью Артур ловко срывает с меня бюстгалтер, обхватывает мою левую грудь. Сильно, до болезненного ощущения, сжимает ее.

– Ты слишком напряжена. – Его голос теперь звучит на тон ниже, но по-прежнему в нем – предельное спокойствие и концентрация. Тогда как я – на грани истерики. – Не расслабишься, будет больно. Ты же не хочешь боли, Василина? Ты всегда ее боялась. Избегала.

– Я не хочу боли, – соглашаюсь с ним. – Отпусти, пожалуйста.

– Почему?

– Дай отдышаться. Я не готова. Дай мне минутку.

– Я дал тебе слишком много времени. Ты неправильно его использовала. Не надо бороться. Со мной это бесполезно.

– Мне нужно в туалет.

На самом деле мне нужны хотя бы пара минут, чтобы успокоиться. Не ожидала, что возбуждение охватит меня целиком. Не ожидала такой лавины ощущений. Хочу его просто до дрожи. До момента, как вошла в эту комнату, думала, что ненависть – надежный щит от желания. Но сейчас понимаю, как жестоко ошибалась.

– Боишься обмочиться от страха? Я так на тебя действую? Или все еще тянешь время? Его не осталось.

Не знаю, что ответить. В голове только одна мысль – пошел ты, Бурмистров. Пошел ты... Ничего более умного и язвительного не приходит в голову, только жалкий лепет. Поэтому молчу, извиваюсь, стараясь вырваться из его рук, отстраниться хоть немного. Артур отпускает мою шею, обхватывает обеими руками мои груди. Сжимает бугорки сосков. Мне больно, против воли вырывается стон, такой резкий и пронзительный, что замираем оба.

– Мне нравятся твои горошины, такие твердые, очень возбуждающие. Сиськи, правда, у тебя всегда были не очень, толком не подержаться...

– Так не держись! – выпаливаю со злостью. – Чего вцепился?

– Н-у-у, вроде так положено, Васятка. За сиськи теревить. Разве тебе не нравится?

– Я не хочу играть, Артур, – отвечаю, как можно презрительнее. – Давай закончим то, о чем был договор. Я готова. И разойдемся. Большого ты от меня не получишь.

– А может, я как раз настроен поиграть? – усмехается в ответ мой мучитель и толкает меня на диван, вынуждая встать на четвереньки, в собачью позу. Теперь его руки обхватывают меня сзади за лодыжки, поглаживая, будто успокаивая. Но потом поднимаются все выше и выше. И вот уже одна рука едва касается края трусиков, прикрывающего мою плоть. Самое интимное. Меня пронзает от дикого ощущения. Это и боль, и удовольствие, и предвкушение – все сразу. Меня трясет. Я хочу убрать его руку. Отбросить. Послать его ко всем чертям. Но знаю, что это ничего не изменит. Уйду сейчас – и мы лишь начнем торги заново. Артур никогда не отступает от задуманного. Он должен получить меня. Должен поиметь. Я задолжала ему давно. Сама виновата. Сражалась, боролась его оружием... И заигралась в эти войны. Я хотела уничтожить Артура, растоптать его самолюбие, личность. Но в результате лишь породила монстра. Чудовище, которое не остановится ни перед чем, чтобы сломить меня. Отомстить.

– Чего дрожишь? Камин во всю шпарит, а ты – ледяная.

Повернись ко мне, согрею, – шепчет он мне на ухо.

– Не хочу. Предпочитаю мерзнуть. Не тяни, Артур. Ты же всегда был решительным. Отчаянным. Вот я, вся твоя на этот вечер. Давай, вперед. Хватит болтать.

Мои слова дики и провокационны. Сама от себя не ожидала такой резкости, напористости. Предлагаю себя мужчине. Прошу, чтобы трахнул меня, как последнюю проститутку.

– Это не ты, – смеется в ответ Артур. – Пытаешься казаться крутой, но ни фига у тебя не получается. Ты боишься. Страх – тоже мощный возбудитель. Как и отчаяние. М-м-м, предвкушаю, какой отчаянной ты будешь подо мной.

– Ты просто жалкий урод, пользующийся своей силой и деньгами.

– А я думал, я просто удачливый бизнесмен, заключивший сделку, – усмехается Артур. – Но, если тебе легче думать о нашем договоре, как о насилии, я не против. Вперед, включай «жертву».

– Не собираюсь. Просто хочу, чтобы ты знал, насколько мне противен. Убогий садист.

– Садист? Мы вроде не договаривались об этой стороне вопроса, – продолжает глумиться Бурмистров. – Я могу быть нежным.

Но в его взгляде нет ничего нежного.

– Лучше будь быстрым, я хочу, чтобы это как можно скорее закончилось.

– Ты моя на всю ночь, забыла? – с этими словами Артур

резко срывает с меня трусики.

Вздрагиваю всем телом и беззвучно молюсь лишь о том, чтобы все это безумие поскорее закончилось. Чтобы я могла оказаться в безопасном уюте бабушкиного дома, именно из-за которого я сейчас здесь. Но не только из-за дома. Артур держит все нити моей судьбы в своих руках. Один щелчок пальцами, один приказ, и мой отец отправится в тюрьму как мошенник. Наш дом будет отдан за долги, бабушка окажется на улице. Как и я. Чем не причины, чтобы продать себя? Тем более, что я – главная причина всего произошедшего.

Смогу ли я наладить свою жизнь после сегодняшней ночи? Соберу ли воедино жалкие ошметки своей личности?

Я так долго боролась, еще дольше убегала. Скрывалась от чувств, от желаний, от притяжения... Но не смогла ни с чем справиться.

– Задумалась о своей несчастной судьбе, принцесса? – Артур опускается рядом на диван, и перемещает меня к себе на колени, будто куклу, одним движением. Теперь мы лицом к лицу, очень близко, почти вплотную. Его дыхание прерывисто, а моя оголенная промежность находится прямо над бугром в его мягких спортивных штанах. Нестерпимые ощущения. Внутри все сжимается от томления. Предвкушения. Хочется двигаться, ерзать на нем. Тереться об него.

Артур пристально смотрит мне в лицо, будто изучает каждую черту, желая нарисовать мой портрет.

– Ты все так же невзрачна, Васятка. Ничего особенного.

Уж точно роковой красоткой не назовешь. Смотрю и не понимаю, как ты могла меня с Якобом поссорить? Умудрилась черной кошкой между нами пробежать.

– Если я тебе кажусь такой, может, оставишь меня в покое? – Слова даются мне с трудом. Я уже ничего не понимаю. Почему мне так больно слышать от Артура о собственной непривлекательности?

– Не могу. Уже ничего нельзя вернуть, к сожалению.

– Ты отомстил! Этого более чем достаточно.

– Нет, ночь только началась. Ты принадлежишь мне до самого утра. У меня есть то, что тебе нужно. Деньги. За них ты сделаешь все, что я пожелаю. Как пожелаю. Куда пожелаю. Скажи это.

Мое сердце на мгновение перестало биться от этих слов. А потом забилося в учащенном ритме.

– Я сделаю всё, что ты пожелаешь, Бурмистров. – Горько усмехаюсь, произнеся эти слова.

Жаркий взгляд моего мучителя опалает кожу, блуждает по моему обнаженному телу. Плечам. Грудям. Я не хочу возбуждаться, но, кажется, это не в моей власти. Серебристые глаза прикованы к моим соскам, которые тут же твердеют. Становятся чувствительными, ноющими, твердыми.

Артур наклоняется и втягивает в рот один из них. Сосет его, лижет, прикусывает, заставляя меня подпрыгнуть на нем от пронзительного ощущения близости. Не могу сопротивляться желанию прикоснуться к нему. Когда-то давно я бук-

важно с ума сходила по этому парню. Он был моей вселенной, мечтой, грезами. До этого момента я наивно полагала, что забыла, выкинула болезненные воспоминания. Но сейчас понимаю, как жестоко ошибалась. Артур все еще волнуется меня, заставляет кровь кипеть, а сердце – стучать подобно молоту. В ушах шумит, я уже мало что соображаю, потому что рука Артура опускается на мой живот, и ниже, к ноющим складкам плоти, вызывая невероятные, неиспытанные никогда прежде ощущения. Мне хочется кричать. Все отброшено в эту минуту, смыто. Наша вражда, взаимные обиды, даже эта купленная Бурмистровым ночь. Сейчас ничего не имеет значения. Я никогда не испытывала желания такой силы.

Я должна прикоснуться к нему, и моя рука робко тянется к густой копне его волос цвета соломы, длиной чуть выше плеч. Зарываюсь в нее пальцами, наклоняюсь, вдыхая незнакомый, но в то же время бесконечно родной запах мужчины, которого я когда-то отчаянно любила. Из горла поневоле вырывается слабый стон. Не хочу этого, но, кажется, я абсолютно потеряла контроль. Думала, что буду неподвижным сухарем лежать под Бурмистровым, не выдавая эмоций. Просто половой акт, ничего личного. Но, похоже, Артур догадывался о моих намерениях. И сделал свои ставки в этой игре. Бесконечной игре с чувствами...

Тело помимо воли выгибается дугой ему навстречу. Артур зубами ловит сосок, прикусывает, снова лижет. Я больше не вынесу этой пытки. Прижимаю его голову к своей гру-

ди, безотчетно умоляя о продолжении. Я настолько поглощена ощущениями, что почти забываю, где нахожусь. Я будто вернулась в прошлое, в период, когда между нами все хорошо. Когда я влюблена в этого парня по уши и не могу ни о чем другом думать. Как будто на этом моменте мое прошлое обнулилось. И не было ничего плохого – грязи, боли, предательства, ненависти и мести. Слушаю стремительный стук его сердца и хочу верить, что все именно так. Но в следующую секунду мои мечты разбиваются вдребезги.

– Я так долго этого ждал, – шепчет мне на ухо Артур, прикусывая мочку моего уха. И внезапно замирает.

Он не хотел этого говорить, понимаю я. Это вырвалось случайно. Не хотел показывать мне свою слабость, как однажды.

– Ты не жалеешь о том, что Яшка был первым? – Цепенею, услышав этот грубый вопрос. Не представляю, что ответить, лишь открываю и закрываю рот, пока Артур не прижимает палец к моим губам.

– Тсс, я придурок, сам не знаю, зачем это сказал. Не отвлекайся, малыш. Все так славно идет. Продолжай. Хочу услышать твои стоны. Ты уже почти готова. Такая горячая, влажная...

Артур обхватывает мои ягодицы, очень крепко, не церемонясь, но вместо того, чтобы думать о боли, я с ума схожу от желания почувствовать его внутри себя. Кажется, кричу, не отдавая себе в этом отчет.

– Ты заставила меня слишком долго ждать, – шепчет Артур. – Время – деньги.

Пытаюсь отвернуться от его пристального взгляда, скрыть боль, что, знаю, сейчас плещется в моих глазах. Мне нестерпимо, отчаянно больно слышать, как его голос произносит эти жестокие слова. Такой родной. Желанный до озноба. Артур не позволяет мне отвернуться, берет мое лицо в ладони. Заглядывает в глаза. Я тут же зажимаюсь и сжимаю губы. Чувствую влажные прикосновения языка, Артур нежно проводит им по моим губам. Поневоле размыкаю губы и принимаю поцелуй. Глубокий, властный. Язык проникает внутрь, а мне кажется, что Артур проникает в меня сразу и везде, где это только возможно. Я закрываю глаза и чувствую, как его пальцы тихонечко гладят меня по щеке. Едва заметное касание, но у меня засосало под ложечкой, к горлу подступают слезы от этой едва заметной, скрытой нежности. И как бы я не хотела цепляться за разумные доводы, за свою ненависть, телу наплевать. Оно отвечает мгновенной безумной вспышкой. Я непроизвольно дергаюсь в руках Артура – последняя попытка убежать. Но его руки стальным кольцом смыкаются на моей талии.

– Хватит. Больше никаких игр, не сейчас. – Голос Артура хриплый, рваный. Он сжимает мое запястье и направляет к паху, заставляет прикоснуться к своему члену. Набухшему, твердому. Очень большому.

– Отпусти, – выдыхаю, а сама провожу пальцами по всей

длине его члена, раздражаясь, что ткань штанов мешает мне. Мне нестерпимо хочется увидеть его обнаженным. Прикасаюсь, сжимать. Почувствовать внутри себя.

Артур отпускает руку, словно знает, что убрать свою мне уже не под силу. Он просто откидывается назад, закрывает глаза и рвано дышит. Внезапно задрожав, притягивает меня ближе к себе, впиваясь в губы неистовым поцелуем. Голодным, пожирающим. Я чувствую гнев и желание. Я вся сжимаюсь под этим натиском, но не от страха, его больше нет. От потребности в этом мужчине, голода по нему. Теперь мы дрожим оба, нас буквально трясет. Между ног становится горячо и влажно, Артур опускает руку, касаясь влажных складок моей плоти. Замираю от страха услышать очередную колкость, но он молчит, накрывает ладонью ноющие складки и входит в меня пальцем. Затем двумя. Глубоко, медленно. Большой палец при этом гладит снаружи самое чувствительное местечко. Нажим все сильнее, глубже, ритмичнее. Внутри и снаружи. Я уже почти на грани, извиваюсь, издаю безумные стоны. Мое возбуждение подобно лавине – отчаянно страшно, опасно, смертельно, но не остановиться. Не прекратить. Сейчас он может делать со мной все, что пожелает. И на самой последней точке Артур останавливается. Меня скручивает боль неудовлетворенности. Настоящий садизм.

– Почему? – Я не понимаю, зачем спрашиваю. Не осталось и следа гордости.

Он не отвечает, тоже на пределе, понимаю, что едва держится. Артур приспускает штаны и направляет свой член в меня. Я сама устремляюсь навстречу, хочу резко, сильно, пусть даже с болью, мне плевать. Ничего не соображаю от отчаянной потребности. Но он входит осторожно, продвигаясь медленными толчками.

– Быстрее. – Умираю от стыда, и все же произношу это слово.

– Любишь жестко? – хрипит Артур. – Скажи, как ты хочешь?

– Н-не знаю.

– Скажи, что хочешь меня.

– Я хочу тебя.

– Умоляй.

Ну уж нет, снова игра. Он и правда садист, если в таком состоянии все еще способен сражаться с жертвой.

Несколько глубоких сильных толчков, восхитительные ощущения, я снова на грани оргазма. Но вместо того, чтобы продолжить, Артур начинает покидать мое тело.

Я судорожно вцепляюсь в его плечи. Он встает с дивана вместе со мной, держа меня в объятиях. Чувствую себя куклой, ни мыслей, ни эмоций. Сейчас мне абсолютно все равно, что он сделает со мной. Артур несет меня в соседнюю комнату, посреди которой стоит огромная кровать. Опускает на постель, сбрасывает наконец с себя спортивную кофту и приспущенные серые штаны. С замиранием сердца смотрю

на его роскошное тело, рельефные мышцы, мощный торс, крепкие длинные ноги. Он великолепен, просто глаз не отвести. Он опускается на постель, нависая надо мной, широко раздвигает мне ноги и тут же входит в меня, на этот раз резко и глубоко. Мое тело непроизвольно изгибается, мышцы влагалища сжимаются, противясь столь грубому вторжению. Его толчки очень сильные, мощные. Каждый из них пронзает меня взрывом восхитительного удовольствия. Меня окутывает мускусный запах мужского тела. Ногами впиваюсь в его спину, безотчетно желая еще больше близости, стать навсегда единым целым. Никогда не расставаться.

Из груди Артура рвутся стоны, он продолжал двигаться в мощном ритме. Я больше не выдержу этого напора, этой силы. Я хочу, чтобы это продолжалось бесконечно. Чтобы никогда не покидал меня. В голове полный раздрай, пустота, смятение. Словно вспышки, меня пронзают противоречивые мысли, которые я не успеваю даже осознать. Выгибаюсь все сильнее, становлюсь напряженнее, я как натянутая тетива, почти вибрирую. Артур наматывает мои растрепавшиеся волосы на кулак и больно тянет. Вскрикиваю, содрогаюсь всем телом, кончаю, как будто именно этого болевого момента не хватало мне до последнего толчка в никуда. Еще сильнее, неистовее, я как безвольная кукла, а Артур – безумная машина без тормозов, таранит меня, разбивает вдребезги. Вот и его точка, он взрывается во мне, выпуская наружу семя, мощная струя вызывает во мне еще один взрыв на-

слаждения. Дрожащие, мокрые насквозь от собственных соков и пота, мы раскидываемся на простынях. Долгое время я будто мертва. Ни мыслей, ни чувств. Полное опустошение.

Вжимаюсь в простынь, и вдруг приходит мысль – сколько Артур имел на этой кровати? Не зря она находится здесь...

Появляются слезы. Едкие, соленые. Они разъедают душу. Мне вдруг становится страшно, до боли сводит скулы. До этой минуты я понятия не имела, насколько эта ночь все меняет. И только сейчас осознала.

Я люблю его. Безумно, безнадежно люблю все эти годы, со старших классов школы, в которую пришла однажды. Школы, где он был принцем, а я – нищей. Он был королем, а я – изгоем. Мало того, однажды я осмелилась противостоять власти короля. Маленькая пичужка решила бросить свое тщедушное тельце на амбразуру хищника. Сначала ей казалось, что война безнадежна. Потом – о, чудо, все изменилось. И царь зверей оказался во власти колибри. Ел с ее рук. Прирученный, смиренный. Но пичуга заигралась. Возомнила себя принцессой. И в конце концов упала вниз, снова в грязь, разбившись вдребезги. То чувство мне не забыть никогда. Момент, когда земля уходит из-под ног и все становится таким далеким, безразличным. Эффект атомной бомбы, полное уничтожение всего живого – вот что сделали мы друг с другом. Я думала, что пережила это. Переболела. Остыла. Вычеркнула. Но не так прост царь зверей. Он никогда не вы-

пустит из своих огромных когтистых лап то, что считает своим.

Глава 1

Десять лет назад

– Эй, Василина, сколько можно прятаться? А ну, слезай с дерева, хулиганка! У нас поезд через два часа, а ты дурака валяешь! – Сердитый голос отца заставляет меня ерзать на стволе любимого дерева. Мое убежище, с которым прощаюсь сейчас. Больно представить, что скоро я буду далеко отсюда и уже не смогу спрятаться от невзгод на этой уютной высоте.

– Васюш, ну давай, слезай, деточка, – теперь отец переходит к увещаниям. – Нам и правда пора. Мы не можем опоздать. Знаешь ведь, что ни копейки не осталось. Новый билет не сможем купить, дом продан. Будь разумной, прошу тебя!

Вздыхаю и молча слезаю с дерева. Что поделать. В этом весь отец. Вечно ему сопутствуют неудачи. Вот и сейчас. Взял кредит год назад, когда у него была хорошая работа на автомобильном заводе, плюс дополнительный заработок – ювелирные украшения. Отец любитель-самоучка, но работы получаются очень красивые. Есть узкий круг клиентов, ценящих его произведения. Но с помощью одной ювелирки не выплатишь кредит за машину. В общем, дорого обошелся наш «Пежо». Платить стало неважготу, набежали проценты, а в результате и дом заложили. Отец стал мрачным, угрю-

мым, начал прикладываться к бутылке. Я очень переживала, ведь мы живем много лет вдвоем. В таком состоянии было страшно оставлять его одного, я стала пропускать школу. Училась я всегда на «отлично», учеба очень легко давалась мне. Правда, из-за этого с трудом находила общий язык с одноклассниками. Меня не любили.

Называли ботаншей. Но мне некогда было обращать внимание на дураков. Помимо среднего образования, я посещала музыкальную школу, изучая сразу два предмета – скрипку и фортепиано. Казалось бы, на что-либо еще сложно найти время, но я умудрялась раз в неделю посещать школьные курсы вязания. Единственная подруга Дашка неизменно шутила надо мной по этому поводу. Говорила, что у меня совсем с «шариками» в голове беда, что выбираю самые занудные вещи, какие только возможно. Но что поделать, мне правда нравилось вязать, это успокаивало. А еще хотелось сделать подарок отцу на день рождения – связать ему красивый теплый свитер. Я не спала ночами, тихо, как мышка, заканчивая свой подарок к определенному сроку.

Наверное, со стороны я выглядела и правда жуткой ботаничкой, которой легко дается любой предмет. Но это не так, не все мне давалось. Петь, например, я не могла. То есть слух-то у меня был, а вот голос – как у вороны. И обязательный в музыкальной школе хор я посещала, сгорая от стыда. Я ненавидела уроки физкультуры, мне на них всегда было неловко, в спортивных трениках и майке я чувствовала себя

будто голой. А взгляды мальчишек могли довести до слез. Впрочем, на меня редко смотрели. Крайне редко. Я была худющей, мелкой и плоской, даже в девятом классе, тогда как большинство одноклассниц расцвели и обрели аппетитные формы, которые подпрыгивали при пробежке и привлекали взгляды противоположного пола. Меня же если и рассматривали, то как анти-эталон. Впрочем, мне было плевать на этих кретин.

Итак, физкультура портила мне аттестат единственной «четверкой», я ведь как могла пропускала эти уроки, даже такую отметку учительница мне натягивала. Тут спасало то, что совсем уж бревном я не была, просто мне не нравилось выполнять скучные упражнения и бегать по кругу. Зато я была гибкой, в младших классах даже пару лет занималась гимнастикой, но однажды сильно простудилась на соревнованиях, и папа забрал меня из группы.

Связанный к новогоднему празднику свитер, кстати, отцу очень понравился. В его глазах блестели слезы. Ну и я, конечно, тоже едва сдержалась, чтобы не разреветься. Кроме друг друга, у нас не было близких. Мама умерла, когда мне было всего два года. Папа до сих пор так и не оправился от ее потери. Но он хорошо справлялся один, выхода другого не было. Я росла не очень послушным ребенком, а еще часто болела. Поэтому меня и отдали на гимнастику, чтобы укреплять организм. Но не вышло. В общем, папа старался как мог, и вроде получалось. Но очень уж он рассеянный у

меня. И доверчивый. И невезучий.

Всего год до окончания школы, а нам вот переезжать пришлось. Я не представляю себя в новой школе, как подумаю – коленки трясутся. А что делать? Квартиру здесь мы продали, иначе не смогли бы расплатиться с долгами. Возможно, и был другой выход, не знаю. Но отец не смог его найти. Мы фактически оказались на улице, и вдруг папа ошарашил меня новостью. Оказывается, в соседнем городе живет моя родная бабушка! Я об этом даже не догадывалась, пока отец умудрялся кое-как справляться с делами и со мной. Но в теперешней ситуации без чужой помощи нам не обойтись.

Если честно, я полагала, что мои бабушки и дедушки с обеих сторон умерли. Папа так и говорил. Но оказывается, бабушка по материнской линии жива и здорова. Вот только, похоже, неинтересны мы ей, раз за столько лет ни весточки. Папу она, понятное дело, винит в смерти дочери. Ведь она погибла в аварии, а за рулем был отец. Он и сам себя винит, это чувство сжирает его до сих пор. Отец мне, разумеется, ничего подобного не рассказывал. Я сама сделала такие выводы. Может, и ошибаюсь, хотелось бы надеяться.

Не знаю, как и почему неизвестная бабушка решила принять нас в своем доме. Сжалилась над бедными родственниками? Или постарела и поняла, что кто-то близкий рядом пригодится?

Как же мне не хочется ехать к ней. Все внутри протестует, кричит – раз раньше не хотела, не любила, тогда зачем

сейчас? Но положение у нас безвыходное. Жить негде, денег нет. Сейчас ютимся у папиного друга с работы. У него свой дом, и он выделил нам крошечную пристройку, больше похожую на сарай. И это летом. Зимой тут околеешь.

* * *

В поезде меня одолевают мысли. Что ждет нас с отцом в чужом городе? Как примет нас бабушка? Чего ждать от новой школы? Я и в старой не отличалась популярностью, подруг почти не было. Единственный, самый близкий человек – Даша, моя соседка. Но так получилось, что учились мы в разных школах. Даша – в спортивной, так как с детства профессионально занималась фехтованием. А я – в обычной.

* * *

Бабушка оказалась совершенно не такой, как я себе представляла. В поезде я пыталась расспросить отца, почему столько лет мы не общались, какая она, Анна Григорьевна, и почему согласилась приютить нас. Отец лишь отмахивался. Он был очень угрюм в эти дни, казалось, переезд сломил его сильнее, нежели потеря дома. Ладно, я решила не доставать его больше расспросами.

Воображение рисовало полную пожилую женщину, в

скромной длинной юбке и строгой кофточке с рюшами. На голове – платок, а в руках – поднос с пирожками. Поэтому женщина, встретившая нас на пороге красивого, но немного обветшавшего дома на окраине города, куда мы добирались на двух автобусах, измученные и запыленные с дороги, меня поразила. Высокая, статная, в длинном облегающем платье темно-зеленого цвета, эта дама уж точно не могла ассоциироваться со словом «бабушка». Я бы не дала этой женщине больше сорока лет... Так и осталась стоять столбом, раскрыв рот. Даже про свое любопытство по поводу дома забыла.

– Здравствуй, Никон, – холодно кивает Анна Григорьевна отцу. – Значит, вот она, моя внучка. Василина. А ведь я это имя выбирала. Не думала, что дочь уступит, назовет девочку, как я хотела.

– Здравствуйте, Анна Григорьевна, – пишу я, потому что отец столбом застыл и молчит. Я тихонечко ткнула его в бок, пытаюсь напомнить о вежливости. Папа будто очнулся от забытья, вскинул голову и пророкотал:

– Анна Григорьевна! Вот мы и здесь, как вы хотели! Познакомьтесь, это Василина.

– Да вроде познакомились уже, – хмыкает бабушка. – Вечно ты сонный, Никон, все на ходу забываешь, упускаешь. Так и дочь мою упустил...

При этих словах и отец, и бабушка напряглись и помрачнели. Повисла неловкая пауза.

– Ладно, ни к чему это все сейчас, – первой отходит

от грустных воспоминаний Анна Григорьевна. – Пойдемте, комнаты вам покажу. Устали ведь с дороги.

Поднимаюсь по ступенькам на второй этаж, а сама под ноги смотрю, меня ужасно смущает буквально все. Эта строгая женщина, ее холодный прием, этот большой дом, похожий на дворец. Мы с отцом следуем по пятам за хозяйкой. Она распахивает первую дверь от лестницы:

– Это твои хоромы, Никон. Располагайся. А ты, девочка, за мной.

Командирский тон бабушки начинает меня раздражать. Но есть ли у меня выбор? Следую ее приказанию. Весь второй этаж дома – совсем небольшой: просторная комната, типа гостиной, светлая, с квадратным эркером, где бабушка устроила миниатюрный зимний сад – три широких подоконника, образующие квадрат, уставлены пышными цветами. Моя комната – слева от эркера, получается, на противоположной стороне от папиной.

– Вот, проходи, Василина, – открывает дверь бабушка.

Моя комната светлая и просторная, нравится мне с первого взгляда. Светло-сиреневые обои на стенах, на окнах – цветочные занавески с бледно-голубым, желтым и розовым узором.

У окна письменный стол, в глубине комнаты – кровать, застеленная покрывалом в тон занавескам, и шкаф-купе. Очень уютно и красиво. Поворачиваюсь к бабушке:

– Спасибо, Анна Григорьевна. Мне очень нравится. И спа-

сибо, что разрешили нам пожить у вас. Мы, наверное, ненадолго.

– Боюсь, ошибаешься, – усмехается бабушка. – Время покажет. Располагайся, Василина. Обживайся, разбирай вещи, отдыхай. Завтра поедем в твою новую школу. Отметки у тебя хорошие, так что и школу я подобрала тебе самую лучшую. Ехать, правда, далековато, зато сразу автоматом в лучший колледж города пойдешь. А оттуда – любой университет в стране сможешь выбрать.

– Что за школа? – пищу, испуганная, что бабушка, оказывается, мою жизнь на годы вперед распланировала. – А колледж какой?

– Говорю же, самые лучшие в городе. Колледж финансовый. У тебя вроде с математикой все отлично?

– Да... Но я еще не решила, на кого идти учиться.

– Ну так решишь, время есть. Говорю же, после такой базы в любой университет поступишь. Хоть врачом, хоть финансистом. Надеюсь, ты не планируешь что-то эдакое, типа – «мечтаю стать актрисой». Никон говорил, ты очень разумная и в облаках, как мать твоя, не витаешь?

– Папа про меня рассказывал вам? Когда?

– Перед тем, как мы договорились, что теперь со мной жить будете. Ты же понимаешь, принять такое решение было нелегко нам обоим. Нет, тебя-то я хотела взять с самого начала. Но Никон был категорически против. А с ним... Нам с ним нелегко придется в одном доме. Но я сделала это

ради памяти дочери и прежде всего ради тебя. У тебя сейчас самый важный период в жизни. Выбор дороги, по которой пойдешь дальше, сквозь годы. Ты, может, думаешь, ничего страшного, как-нибудь выкручусь. Но ошибаешься. Навивность твоего отца способна погубить. Я больше не могу безучастно смотреть на это. Так что буду теперь рядом, Василина. Характер у меня непростой, иногда могу быть резкой. Главное, помни – все, что я делаю, только для твоего блага. Можешь обратиться ко мне за любой помощью.

– Спасибо...

Длинная тирада бабушки смутила меня. Я не все поняла из ее речи. В основном мои мысли были заняты новой «самой лучшей» школой. Что бы это ни значило. Мне до жути было страшно стать новенькой. Это же все равно, что клоун в цирке. Но, может, зря так напрягаюсь? Вдруг мои одноклассники окажутся милыми и дружелюбными? Не такими, как в прежней школе? И бабушка права, я приживусь тут, смогу найти свой путь?

– Ладно, я пойду. Что будет нужно – спрашивай. Туалет и ванная на первом этаже. Думаю, душ с дороги тебе не помешает. Да и папе напomini. А то закрылся в своей комнате как сыч.

* * *

Наутро я проснулась очень рано. Чужое место, запахи, да-

же пение птиц, доносящееся из окна, – все было непривычным и отвлекало, не давая расслабиться. Всю ночь я ворочалась в мягкой постели. Переживания еще сильнее набросились на меня. Спустившись вниз, едва рассвело, я смогла немного осмотреться. Первый этаж занимала просторная гостиная, соединяющаяся с кухней. Их разделяла пополам перегородка, в которой был расположен стеллаж с книгами. Очень интересная и удачная планировка – тут тебе и кухня кажется просторной, хоть и небольшая, и гостиная очень светлая, с широкими окнами, ну и библиотека, получается, тоже. Три в одном. Расположенная рядом с лестницей дверь, вела в ванную и туалет. Дальше шел узкий коридор, в конце которого, как я поняла, располагалась комната бабушки.

Я разглядывала книги и развешенные по стенам фотографии, когда вышла бабушка.

– Доброе утро. – Увлеченная портретами Анны Григорьевны в молодости, я не заметила, как она подошла, и подпрыгнула от неожиданности. – Что так разглядываешь пристально? Меня молодую? Нравлюсь?

– Вы очень красивая. – Едва не добавила «были», в последний момент сдержалась. Вышло бы грубо и неверно – бабушка даже сейчас производила впечатление красавицы хоть куда. Осанка, походка, одежда, голос – все говорило о том, что перед тобой роскошная женщина.

– Спасибо, деточка. Была красавицей, это да.

– Вы пели? – спрашиваю с удивлением. Смущаюсь, вспо-

миная собственный ужасный голос.

– Да, много лет была примой в оперном театре. Совсем недавно ушла... Скучаю. Тоскую по сцене. Эх, деточка, это не объяснить. Лучше не приближаться к подмосткам, они могут принести слишком много разочарований и боли. И если затянули в свои сети – не отпустят до конца твоих дней.

– Поэтому вы вчера так подробно меня расспрашивали? Кем хочу стать, чем заниматься?

– Да. Именно так. Мне-то повезло, я стала примой. Получила все, что только можно от профессии. Славу, деньги, поездки заграничные, множество поклонников. Даже сейчас мне пишут письма, объясняются в любви. А вот твоя мама не так удачлива оказалась. И это ее погубило.

– Ее погубила авария, – возражаю я.

– Ты не можешь судить, тогда ты совсем крошечной была.

– А вы, насколько знаю, с ней уже тогда не общались, – краснею как помидор. Мне стыдно и неловко, что спорю с бабушкой, которую знаю всего сутки. Которая приютила, дала кров, а я тут выступаю... Но мама – больная тема для меня. Незаживающая рана.

– Не общались, верно. Ладно, не будем сегодня прошлое ворошить. Ты не готова еще к такому разговору. Я не хочу обижать тебя, Василина. Я лишь хочу предостеречь.

– И вы извините меня, – раскаиваюсь в своих грубых словах и едва сдерживаю слезы.

– Давай переходи уже на «ты», родственники все же, – по-

правляет меня бабушка. – Пошли завтракать.

Удивительно, но эта совершенно не похожая на классическую бабулю женщина, оказывается, прекрасно готовит. Анна Григорьевна управляется на кухне быстро и деловито. Поджаривает оладьи, режет свежий салат. Мы сытно завтракаем и отправляемся в школу.

От страха у меня дрожат колени. Здание школы очень необычное, трехэтажное, современное, эдакое сочетание стекла и бетона. Высокий забор, пропускная система. Школу окружает большая площадь, тут и теннисные корты, и фруктовый сад, и огромное футбольное поле. Как в американских фильмах про богатых подростков. Но что я тут забыла? Богатством в нашей семье даже не пахнет!

– Чего встала как вкопанная? – бурчит Анна Григорьевна. Хоть на улице самый конец августа, жара стоит невыносимая, не меньше тридцати градусов. Мы взмокли, пока доехали до школы на автобусе без кондиционера. Странно видеть такую представительную, в дорогом белом костюме и черной шляпке, женщину, похожую на Софи Лорен, изысканную и утонченную, в подпрыгивающем на кочках автобусе. Все палились на нас, точнее на бабушку, а я краснела и прятала глаза. Не привыкла к вниманию. Меня все это ужасно смущало.

– Мне кажется, зря мы приехали в эту школу, – отчего-то мой голос срывается на писк.

– Это почему? – хмурится бабушка. – Чем тебе тут не нравится?

– Слишком роскошно. Разве нам это по карману? Тут наверняка собирают кучу денег.

– Не твоя забота, – отрезает Анна Григорьевна. – Директор – мой давний поклонник и друг, между прочим. Я уже обо всем договорилась, Василина. Не создавай лишних проблем. Просто будь вежливой и приветливой. Большого не требуется.

* * *

Проходим по коридорам школы – свежий ремонт, опять же, шкафчики на стенах первого этажа – ну точно, как в моем любимом сериале «Волчонок». Поднимаемся на второй этаж. Кажется, бабушка прекрасно здесь ориентируется.

– Была тут пару месяцев назад, – словно прочитав мои мысли, объясняет Анна Григорьевна. – Пригласили на открытый урок, рассказать о себе, о профессии. По теме «Знаменитости нашего города». Вот так-то, имей в виду, Василина. Ты не должна ударить в грязь лицом. Помни о том, из какой ты семьи.

А мне лишь страшнее становится от этих слов. Тут все, как из фильмов, все чужое и будто ненастоящее. Мне нехорошо настолько, что голова кружится. Не помню, как оказываюсь в кабинете директора, седого мужчины лет шестидесяти в строгом костюме. Бабушка сразу же принимается с ним что-то обсуждать.

– Василина, – словно сквозь вату доносится до меня голос бабушки. – Тебе нехорошо? На, попей воды, деточка.

– Может, медсестру позвать? – вторит ей обеспокоенный мужской голос.

– Да нет, это она просто перенервничала, – отвечает бабушка. – Вчера только приехала, зря я ее сразу в школу потащила.

– Да ничего, вон уже и щечки розовеют, – мужской голос. – Но медсестру позову все-таки.

Вот так прошел мой первый день в школе – если так можно выразиться. Мало что узнала, зато выставила себя слабачкой. Не знаю, что нашло на меня. Может, переезд повлиял, но часовые пояса я вроде не меняла. Всего-то часов семь на поезде... Может, нервы последних месяцев сказались. Но бабушка потом за меня всерьез взялась. Заставила пройти обследование у своего врача, сдать анализы. Я сопротивлялась, но это было бесполезно. Папа занялся поисками работы. Он немного успокоился, старался поменьше пересекаться с бабушкой и, кажется, даже вернулся к своему хобби – сидел вечерами над эскизами ювелирных изделий. А меня Анна Григорьевна таскала по магазинам, подготавливая к школе. Я отнекивалась, было ужасно неудобно, что она тратит на меня свою пенсию. Но мы обе понимали, что, если приду в ту школу со своим старым рюкзаком и в привычной одежде, меня просто затюкают. В первый неудачный визит я мало что успела рассмотреть, но встреченные мной ученицы вы-

глядели... черт, они выглядели как модели. Мне сразу стало не по себе. Я же не такая! Буду выделяться белым пятном, привлекать внимание...

Но бабушка, видимо, догадываясь о моих страхах, много сил потратила на мой новый гардероб. Так что первого сентября я шагала в новую школу весьма уверенно. Форма в этом учебном заведении не предусматривалась. Тут все было построено по американской системе – учителям полагось быть ученикам друзьями, а не подавлять любую самобытность своим авторитетом. Потенциал учеников старались максимально раскрывать – таланты, скрытые способности.

А вот в плане межличностных отношений все было куда менее радужно, и я не замедлила в этом убедиться.

Глава 2

Ночью пятого сентября я никак не могла уснуть, все ворочалась с боку на бок, а в голову так и лезли ужасные мысли. Пойти в школу пятого, а не первого сентября, как все ученики, мне выпало из-за огромного количества документов и справок, которые нам пришлось собрать. Анна Григорьевна выглядела раздраженной и крайне недовольной этими обстоятельствами, вынужденная сопровождать меня в поликлинику. Я чувствовала себя обузой. Но при этом радовалась отсрочке. Школа представлялась огромным безликим монстром, жаждущим сожрать меня. Мне ни за что не стать «своей» среди богатеньких бездельников, привыкших получать все на блюдечке с голубой каемочкой. Когда зазвонил будильник, я подскочила на постели, уверенная, что только минуту назад прикрыла усталые веки... Машинально нажала на кнопку, отключая противный навязчивый рингтон. Снова упала на постель и провалилась в забытие. Но всего на пару минут. В комнату вихрем ворвалась Анна Григорьевна. Она отчитала меня, предупредив, что сегодня первый и последний день, когда контролирует мое пробуждение.

– Не думаю, что в этой школе, как, впрочем, и в любой другой, приветствуют опоздания, – продолжила бабушка свое ворчание за завтраком.

Так что мне и кусок в горло не лез. Тем более что предла-

гались овсянка на воде и несладкий чай. Анна Григорьевна назвала это «завтрак красоты», и прочла мне краткую лекцию о пользе геркулеса. Ненавижу каши, любые, а овсянку – особенно. Да и в целом я не любитель утренней трапезы, аппетит у меня просыпается обычно к полудню. До этого времени я могу разве что кофе выпить.

Так что, помедитировав над тарелкой положенные приличиями десять минут, несусь в свою комнату за рюкзаком. Вчера отец еще раз проговорил со мной маршрут и номера автобусов, на которых можно добраться до школы. Он, конечно, порывался проводить меня, но я всеми возможными способами отговорила его от этого. Прийти новенькой в десятый класс, да еще в сопровождении родителя? Это точно привлечет внимание и вызовет насмешки. А именно этого я надеялась избежать. Лучше проскользнуть невидимкой в свой класс... Не то чтобы я была такой уж трусихой... Но последние события в нашей с отцом жизни сделали меня пугливой и неуверенной в себе. Везде и во всем я искала подвох и ждала неприятностей... Но надеялась, что это состояние пройдет со временем.

День обещал быть теплым и даже жарким, так что я надела простую черную юбку до колен в едва заметную серую полосу и голубую рубашку. Цвет неба – мой любимый, с самого детства. Меня растил отец, так что розового в моем гардеробе было немного, папа предпочитал практичные цвета – черный, коричневый. Но отчего-то я ненавидела розовый

цвет. Я понимаю, Дашка – ее до семи лет одевали сплошь в розовое, и у нее выработалась стойкая аллергия. Ну а я за что ополчилась? Ответа у меня не было по сей день.

Я просто любила голубой. Другие цвета, разумеется, тоже. Например, белый и черный. Мне нравились пастельные оттенки, и я не терпела яркие, кричащие. Хотя к чему я столько времени, которого, кстати, совсем немного, уделяю рассуждениям о колорах? Сама не понимаю. Вздохнув и покачав головой перед зеркалом, как бы укоряя себя за бесцельное занятие, беру в руки кардиган серого цвета. Анна Григорьевна очень тщательно выбирала его для меня, когда мы ходили по магазинам. Бабушку, к слову, знали в каждом бутике в крупном торговом центре города. Оказывается, ужасно приятно, когда твоя бабушка – знаменитость, и каждый продавец поет ей дифирамбы, разливаясь соловьем. Анна Григорьевна, похоже, не только звезда, но и гуру стиля, как назвала ее девушка консультант в отделе парфюмерии. Бабушка принимала комплименты и старания угодить с деликатностью светской леди. Воспитанная, изысканная, благосклонная. Дома она немного не такая, отметила я про себя. Более приземленная, иногда ворчливая. Я догадывалась, что характер этой женщины непрост и мне еще многое предстоит узнать о ней. Но в тот момент я невольно гордилась такой бабушкой, сохранившей красоту и обаяние в свои года. Жаль, не в нее я пошла. Далека от моды и понимания, что такое стиль. Иногда мне кажется, я знаю, что мне идет, а что

нет... Но очень часто попадаю впросак и смешу людей. Ту же Дашу, которая частенько критикует мои наряды... Критиковала, точнее... Теперь не знаю, когда увидимся с лучшей подругой. С грустью вздыхаю. Обуваю балетки серого цвета и отправляюсь в путь. Автобус, пешеходный переход, вымощенная плиткой дорожка к школьным воротам – все это я преодолела как в тумане. В животе неприятно ныло, и от этого на душе становилось еще противнее. Пересекая школьный двор, я подумывала о том, чтобы развернуться и убежать. Прогулять пару дней. Никогда раньше, в прежней школе, не пропускала уроки без причины. Мне это и в голову не приходило... А тут... Даже не знаю, откуда такие мысли взялись. Просто эта роскошная школа, раньше я такое лишь в кино могла увидеть, настолько не вязалась со мной, моим образом жизни... Абсолютно чужеродная среда. А ведь я и в обычной школе почти изгоем была...

* * *

Первые уроки прошли сравнительно спокойно. Вначале была история. Приятная учительница невысокого роста, в строгом костюме и очках, представила меня классу. Фурора я ожидаемо не произвела – ученики взирали на меня без энтузиазма. Большинство и вовсе едва бросило взгляд. Я усе-лась за свободную парту. Тут многие сидели поодиночке. Классы, как я поняла, были небольшими, около пятнадцати

человек. Что мне не особенно пришлось по душе – не спрячешься. После алгебры с геометрией началась большая перемена – длинный перерыв, целый час. Это мне нехотя объяснила соседка сзади, девушка-хиппи с пирсингом на губе. Я отправилась искать столовую. И конечно же, заплутала в огромных коридорах. Проходя мимо спортзала, я заметила рыжую девицу из своего класса, которая летела как угорелая мне навстречу. Я обрадовалась возможности спросить дорогу, потому как уже начала паниковать, что не найду нужный кабинет... Но девчонка пронеслась мимо, даже не взглянув на меня, и заскочила в спортзал. Я отправилась следом из любопытства, куда же она так спешит, на свидание, что ли? Приоткрыв дверь зала, я заглянула в щель. Рыжая стояла горбившись и тяжело дышала.

Я едва коснулась ручки и приоткрыла рот, чтобы спросить, все ли в порядке, у этой странной девицы, как в глубине спортзала открылась дверь. Из-за нее показалось трое девушек, весьма решительно направляющихся в сторону рыжей. Я отступила назад. Ничего хорошего сцена не предвещала. Лучше всего мне убраться подальше, я – новенькая, ничего не понимаю, не знаю ситуации, и, пока не разберусь, вряд ли стоит соваться в огонь... Так я уговариваю себя, но картинка бегущей, будто преследуемый хищником зверек, девчонки, стоит перед глазами. Она одна, а преследовательниц, как я теперь понимаю, трое. Увы, я мало чем могу помочь, сама – худющая пигалица, невысокая, на голову ниже всей этой

компании, да и драться не умею. Даже не пробовала никогда, избегала любых стычек в старой школе. А если нужно было, за меня заступалась Дашка. Моя подруга может быть настоящей фурией, особенно если ее разозлить. Даша бы задала тут жару! Быстро разогнала бы этих выскочек, смелых, только когда трое на одну... Меня пронзила тоска по подруге. Кажется, целую вечность ее не видела. Что бы она сейчас подумала? То, что я – жалкая трусиха. Впрочем, это для нее давно не секрет. Но сегодня я не буду вести себя как обычно. Пора меняться и смотреть страхам в лицо. От себя все равно не спрячешься. Не знаю, почему я приняла это решение именно сегодня. Я просто глубоко вдохнула, как перед прыжком в воду, и вошла в спортзал.

Девицы уже окружили рыжую. Одна из преследовательниц подошла к девушке вплотную и что-то шепчет ей на ухо. Лицо рыжей покрывается красными пятнами. Она вжимает голову в плечи.

Я рассматриваю ту, которая нападает. Видимо, она – предводительница «стаи». И, скорее всего, первая красавица школы. Идеально уложенные белокурые волосы. Стильный макияж. Впрочем, она и без косметики осталась бы красоткой. Большие глаза, длинные ресницы. Пухлые губы, изысканная форма бровей. В этой девице все идеально, и она об этом знает. Все это дается ей легко, без особых усилий. Одежда, очевидно, дорогущая, хотя я абсолютно в этом не разбираюсь. Но эти шмотки сияют. Юбка цвета фуксии и

нежно-розовая блузка. Я бы в таких оттенках выглядела клоуном. Она – коллекционной Барби. Высокие туфли, не иначе как Маноло Бланик. И сумочка Гермес. Ну конечно, иначе и быть не может. Я далека от моды и стиля так же, как Земля от Луны. Но благодаря любви Даши к сериалу «Секс в большом городе», который мы частенько смотрели вместе, пока родители подруги были уверены, что мы усиленно занимаемся математикой (в которой Даша, к сожалению, почти ноль), я выучила эти культовые названия. Вот только жутко дорогую настоящую модель от подделки точно не отличу. Но почему-то было ощущение, что у Барби тот самый заветный оригинал...

Пока я размышляю о моде, белокурая девица поднимает руку и изо всех сил вlepляет рыжей пощечину. Та дергается, прижимает руку к щеке, из глаз льются слезы... Но она и не думает отвечать. Так и стоит, низко опустив голову.

– Ты поняла меня? – грозно вопрошает блондинка.

Рыжая молчит. Я теряюсь в догадках, что означает эта сцена.

– Он не будет встречаться с тобой! Не позволю! – выкрикивает Барби.

– Это не тебе решать, – едва слышно отвечает рыжая.

– Ну, Лиса, если ты не поняла... – И блондинка снова замахивается.

Рыжая девушка смотрит прямо и твердо ей в глаза. Спокойно ждет нового удара. Но я больше не могу видеть эту

картину.

– Эй! – подбегаю к ним. – Что тут происходит?

– А ты кто такая? – Барби впивается в меня широко распахнутыми от удивления глазами. – Чего лезешь не в свое дело? Тоже получить охота?

– Нет, но и смотреть, как трое нападают на одну, тоже нет желания! – дерзко парирую я. – Чего привязались к девушке? Что надо?

– Тебя забыли спросить! Пошла вон, мелочь приставучая! – вскипает блондинка.

– Да я с радостью, только Лису с собой заберу, – а у самой аж коленки дрожат от собственной дерзости.

– Да кто ты вообще такая? Не видела тебя в нашей школе. Откуда взялась?

– В гости заглянула! А тебе вот доложить забыла! – продолжаю хамить, меня просто несет, хотя чувствую – пора остановиться. Враги в этой школе мне точно не нужны.

На лице блондинки проступают красные пятна. Она выглядит так, как будто вот-вот взорвется от злости. И меня охватывает ужасно неприятное предчувствие беды. Хочется поскорее убраться подальше.

– Девочки, оттащите эту ненормальную отсюда. Ее к директору, по-хорошему, надо отволочь, взялась не пойми откуда...

– Только попробуйте ко мне подойти, – рычу в ответ. – Я, может, и мелкая, зато кусаюсь отлично!

Может и правда, в этой ситуации лучше косить под ненормальную? Психов всегда бояться и предпочитают не связываться.

– Бешеная дура! – вскипает Барби. – Я сейчас охрану вызову, не поздоровится тебе! Пошли отсюда, – кивает своей «свите». – С Лисой потом закончим.

На этом троица удаляется. Я не верю, что все оказалось так легко и мне удалось отпугнуть эту троицу. Но, кажется, все так. Видимо, они просто решили не связываться с сумасшедшей пришлой девицей.

Стою, уставившись на Лису. Мне ужасно интересно, за что прицепились к этой девчонке Барби и К°. Видно, что она не из их стада. Она понравилась мне с первого взгляда. Мы сидели на соседних партах на алгебре. Правда, заговорить я так и не набралась смелости. Но в этой девчонке я будто почувствовала родственную душу. Простая, неброская одежда, рюкзак, выдавший виды. Неидеальный маникюр, черный лак слегка облупился на кончиках ногтей. Клетчатая юбка до колен, белая рубашка и черный галстук. Никакого стремления добавить сексуальности, броскости во внешний облик, что так свойственно Барби. Обычная девчонка. Совсем как я.

– Ну и чего ты на меня уставилась, лесби, что ли? – буркает Лиса, и весь мой только что выстроенный мир разбивается на осколки. – Тебя никто не просил встречать! Защитница нашлась! Пигалица недоделанная! Чем бы ты помогла, интересно, если бы они на меня накинулись? Выдра тощая!

Заступаться лезешь, в зеркало бы сначала посмотрела!

С последней фразой Лиса разворачивается и направляется к двери. Проходя мимо меня, слегка задевает рюкзаком мое плечо, я теряю равновесие и падаю на задницу. Мне ужасно обидно, я ведь заступилась, посочувствовала ей! А она оказалась ничуть не лучше Барби. Даже хуже. Что может быть отвратительнее неблагодарности?

Ну и дура же я! Врагов в первый день нажила, а друзей, как обычно... не смогла найти. А вдруг Лиса за дело по морде получила?

«Отстань от него» – может, она к парню Барби клеилась? Скорее всего. Тут поток предположений прервал звонок на четвертый урок. Вот и пообедала. Несусь по коридорам в спешке, совершенно не представляя, где мой класс. Зато вот она, нате вам, столовая. Красивая, светлая, прямо ресторан. Желудок сводит от голода – с утра не смогла проглотить ни крошки, так волновалась. Не в силах противостоять соблазну, подбегаю к прилавку.

– Что можно взять на вынос? – запыхавшись, спрашиваю женщину за прилавком.

– Чего ты так поздно, деточка?

– Я новенькая, еле вас нашла, – признаюсь, – мне уже на урок пора, и класс найти бы...

– Какой у тебя урок?

– Литература.

– А класс какой?

– Десятый «Б»

– Ну, на нее опоздать не страшно. Учительница ваша болеет, ее замещает сейчас преподаватель черчения, а он в литературе не силен, – фыркает буфетчица. – Покушать – важнее. Тем более ты такая худющая!

Ничего себе осведомленность, удивляюсь я. Но мне становится немного спокойнее, голос и внешность у моей собеседницы самые располагающие. Полная фигура, круглое улыбчивое лицо и очень добрые глаза. Я так редко встречала в своей жизни искреннее дружелюбие, что меня притягивает эта женщина. Как будто согреваюсь ее теплом.

И все же пытаюсь отнекиваться от еды, но мне все равно наливают огромную тарелку борща.

– Вот, кушай, деточка.

С трудом осиливаю половину, остальное, как бы ни было мне стыдно, не в силах проглотить.

– Извините, мне, наверное, пора...

– Хорошо, деточка. А чего не доела? Не понравилось? Повар у нас хороший...

– Очень вкусно! Пальчики оближешь! Но мне правда надо бежать...

– Хорошо, подожди, солнышко. На вот, я тебе коктейль молочный налила.

Ох, ни фиги себе! В этой школе даже молочные коктейли делают!

– Наверное, это дорого для меня.

– Не бери в голову! Я не возьму денег с новенькой.

– Как же...

– А вот так. Все это оплачено. Богатенькие тут учатся в основном, наказывают, а все съесть не могут. Так что полно остается. А ты, видно, не из таких. По социальной программе, наверное.

– Типа того, – соглашаюсь, так как нет сейчас времени объяснять. – А есть еще здесь такие, как я?

– Немного, но есть. Нелегко им приходится. Но школа в самом деле хорошая. Знания дают отличные. Только вот заносчивых учеников тут многовато... Хамов мажористых...

– Ясно, – вздыхаю. – Хамов везде полно! Спасибо за коктейль!

– Приходи вот так к окончанию перерыва, я тебя еще чем угощу...

– Спасибо!

Воодушевленная, несусь в класс. Вот и первые дружеские отношения, пусть не со сверстницей, но хоть что-то. Остативляюсь на минуту, втягиваю через трубочку коктейль – вкуснятина! А вот и знакомый коридор, здесь я уже ориентируюсь. Занятая мыслями, как объясню свою задержку почти на двадцать минут урока, и как бы аккуратно засунуть в рюкзак этот вкусный коктейль, не замечая вышедшую из туалета девушку, и на полной скорости врезаюсь в нее. Обе падаем на пол, я оказываюсь сверху, коктейль выливается прямо на грудь бедняжки, я поднимаю глаза и встречаю полный яро-

сти взгляд Барби. Раздается хихиканье – похоже, даже в туалет эти девицы ходят компанией. Кое-как слезаю с потерпевшей и протягиваю ей руку.

– Извини! Я тебя не видела...

Игнорируя мою руку, блондинка поднимается с пола.

– Чего ржете? – цыкает на подруг.

Отталкивает их от двери и залетает в туалет. Я – следом.

– Правда, извини! Я не хотела. И в спортзале зря вмешалась. Я новенькая, не знакома с порядками...

Барби резко оборачивается ко мне, хватая за шею и впечатывает меня в стену туалета. Больно ударяюсь о кафельную плитку затылком. От Барби пахнет молоком и ванилью. Ее розовая блузка безнадежно испорчена.

– Ты, маленькая сучка. Пожалеешь, что попалась на моем пути! Это я тебе обещаю!

Я даже не сомневаюсь. Я уже жалею.

Барби отпускает мою шею и поворачивается к одной из подруг, протягивает той ключ.

– Принеси мне футболку из шкафчика.

Подхожу к раковине. Моя белая рубашка тоже испачкана коктейлем. Включаю воду, чтобы замочить пятно. Но меня хватают за шкуру и пинком выпихивают из туалета. Это вторая подружка Барби. Смуглая, очень высокая, под два метра. Я вроде никогда не считалась низкорослой, метр шестьдесят семь – не так уж плохо, но рядом с этой баскетболисткой чувствую себя гномом. Меня выкидывают из туа-

лета в расстегнутой блузке. И что теперь делать? Бреду по коридору, обхватив себя руками. Наверняка в школе не один туалет... Но сколько мне понадобится времени, чтобы отыскать другой? Подумываю вернуться в столовую, там хотя бы есть приветливая душа, которая мне поможет... Но вот и дверь с заветной надписью. Проскальзываю туда. До перемены я должна успеть застирать рубашку и хоть немного подсушить под аппаратом. Ведь я, увы, не Барби, и переодеться мне не во что. С утра мне выделили шкафчик, но, естественно, я еще не успела ничем его наполнить. Да и кто знал, что первый день в новой школе окажется настолько насыщенным.

Глава 3

Если бы я знала, что мой первый день возвращения из школы в испачканной блузке, растрепанной, с дорожками высохших слез на лице, положит начало целой череде неприятных событий... Что бы я сделала? Сбежала бы обратно в родной город? Бросила отца? Жила бы у Дашки? Конечно нет! Я бы никогда не смогла оставить папу, тем более на растерзание теще. Которая его терпеть не может и винит в смерти дочери. Да и кто бы мне в шестнадцать лет позволил уйти из дома? Пусть даже чужого...

Но помечтать-то можно? О том, что подруга никогда не дала бы меня в обиду. Приютила бы. Я устроилась бы на работу. И все в моей жизни шло бы своим чередом, а главное – спокойно.

К счастью, мне удалось проскользнуть в свою комнату незаметно, и ни отец, ни бабушка не увидели мое жалкое состояние. Меня бил озноб. Я едва сдерживала слезы. Но все равно старательно убеждала себя, что первый блин всегда комом. Что все не так уж страшно, как кажется на первый взгляд. Барби забудет меня и мою неуклюжесть. Во всяком случае, ни о какой мести на тот момент я и подумать не могла.

Следующий учебный день начался довольно спокойно. Первое занятие, русский язык, пролетело быстро, я даже

умудрилась получить пятерку за ответ с места. Вторым была алгебра, которая тоже не доставила никаких неприятных моментов. Пожилой учитель очень доступно объяснил новую тему, строгим он был только с нарушителями порядка в классе. Несколько раз сделал замечание двум болтающим на задней парте парням, потом выставил их за дверь. Вызвал несколько учеников для решения примеров. Последней у доски оказалась Лиса. Сразу видно, с математикой у рыжей не очень, ехидно отметила я про себя. С натянутой добрым учителем тройкой, красная как помидор Лиза Лаврова возвращалась за свою последнюю парту. Я не испытывала к ней сочувствия после известных событий. Да и вообще хотела забыть и Лису, и весь вчерашний день.

Третьим был урок информатики. Учитель дал нам задание и покинул кабинет. Класс тут же превратился в бедлам, начались громкие разговоры между учениками, споры, несколько человек ушли вслед за учителем.

– Теперь только к звонку вернется, тетради собрать, – пробурчала моя соседка, та самая девушка в пирсинге, заметив мой недоуменный взгляд. Класс информатики небольшой, так что все сидели по двое. Мне досталось место рядом с ней. Было еще одно свободное, на последней парте, но, встретившись взглядом с Лисой, я выбрала Пирсинг. Впрочем, судя по взгляду Лисы, я была ей не менее противна, чем она мне. Как странно, что с первого взгляда она понравилась мне, и я даже пыталась ее защищать. Мы же абсолютные антиподы!

Наверное, я одна из всего класса делаю в данный момент то, что велел учитель. Остальные занимаются чем угодно, но только не заданием. Неожиданно в кабинет заходит несколько парней из параллельного класса. Сразу же кучка «наших» покидает помещение, юрко, как мыши. Девчонки же, наоборот, замирают, и все внимание на «гостей». Еще бы. Явно готовится нечто интересное, вот только по чью душу делегация? Я наблюдаю за всем этим краем глаза, все еще делая информатику. Меньше всего могу предположить, что причина происходящего – я.

Один из парней возвышается над остальными на целую голову. Невозможно не обратить внимание. И отвести взгляд тоже нестерпимо трудно. Высокий, гибкий блондин под два метра ростом со слегка длинноватыми для мальчишеской стрижки белокурыми волосами. Расслабленной походкой, слегка вразвалочку он подходит к учительскому месту и вальяжно опускается в кресло. Забрасывает ноги на стол.

– Кто у нас тут новенькая? – вопрошает на весь класс.

Я подпрыгиваю от неожиданности. Сердце падает куда-то вниз, в область живота, а потом начинает стучать, как сумасшедшее. Никогда и никого я не видела красивее, чем этот парень. Прищуренные серые глаза с небольшим отливом в голубой. Прямой нос, твердая линия подбородка. Одним словом – красавчик, неоспоримо хорош на любой, даже на самый привередливый вкус. Принц из сказки, не меньше.

– Василина Дусманис! К доске, немедленно! – резкий при-

каз блондина, будто плетью, разрезает пространство и повисает черным облаком над моей головой. Ощущение, что стены вокруг меня начинают смыкаться, виски сдавливают, и я едва могу сделать вдох. Что этот красивый парень хочет от меня? Чем моя персона могла заинтересовать его?

Соседка с пирсингом тыкает мне в предплечье карандашом, при это мерзко хихикая:

– Чего сидишь, как окаменевшая? Тебя к доске вызывают. Дергаю плечом. По-прежнему не двигаюсь с места.
– Тут она! Только ты напугал ее, Артур! – кричит со своего места моя соседка.

– Ну так ты пни ее хорошенько, помоги подруге. Или мне самому подойти? – вкрадчивым голосом интересуется Принц.

При мысли, что меня будут вытаскивать из-за парты, я подпрыгиваю, как ужаленная. Глаза всего класса устремляются на меня. Впрочем, ряды учеников заметно поредели. И в основном остались девчонки. Что не менее обидно и унизительно. Я уже не сомневаюсь, что после этого происшествия не смогу смотреть в глаза никому из присутствующих. Но если Принц и правда подойдет сейчас ко мне и начнет силой выволакивать с места к доске – будет еще хуже. Поэтому я собираю остатки воли в кулак и поднимаюсь на ватных ногах. Медленно иду к учительскому столу. Встаю возле него, спиной к классу. Принц внимательно разглядывает меня с головы до ног. Медленно. Оценивающе. Так пронзительно, как

будто насквозь просвечивает. Меня начинает трясти мелкая противная дрожь. Ощущение, будто стою перед ним, перед половиной класса, обнаженной. Голая и беспомощная среди толпы. Ужасное ощущение.

– Привет, – наконец нарушает бесконечную тишину Принц. – Значит, ты Василина?

– Да, – едва слышно шепчу, с трудом двигая губами. Лицо словно онемело.

– А меня Артуром зовут. Знаешь, у меня к тебе очень серьезный вопрос, Василина.

«Ты будешь моей девушкой», – тут же подбрасывает вариант воображение. Я определенно сошла с ума. На второй день в этой проклятой школе! Даже не успеваю додумать мысль о своем стремительном сумасшествии и рассердиться на себя за дикое предположение, как Принц Артур разбивает все мои мечты вдребезги:

– С чего ты решила, дорогуша, что в этой школе можно безнаказанно устраивать свои разборки, будучи новенькой?

– Что? – Не верю своим ушам. Какие разборки? Что я устраивала?

Не узнаю свой голос, ставший внезапно тонким и настолько пронзительным, что, кажется, эхом отдается от стен класса.

– Я не понимаю, о чем вы!

С перепугу я своего ровесника на «вы» начала звать. Смех, да и только. Еще немного, и вернется заикание, от ко-

торого я избавилась в первом классе. Начинаю понимать, что сегодняшний день обещает быть хлеще предыдущего.

– Что вам всем надо от меня? – вопрошаю, стоя у доски, опустив голову и впившись взглядом в носки своих ботинок. Не могу поднять глаза на Принца. На класс. Хочется провалиться сквозь землю.

– Не строй из себя дуру ненормальную. – В голосе Принца пробиваются нотки злости. Чувствую себя как на допросе в криминальном фильме. Вот только доброго полицейского не хватает. Тут все злые.

– Закосить не получится, таких в эту школу не принимают. Или у тебя с памятью проблемы? Позабыла, как вчера доставала красивую блондинку с большими глазами?

– А вы тут типа защитник? – пишу испуганно. Мне реально конец. Барби пожаловалась на меня Принцу, и тот прискакал на белом коне защищать свою даму сердца? Барби – его девушка. Мысленно ставлю их рядом. Картинка выходит настолько яркой и изысканной – аж глаза слепнут. Хочется потрясти головой, чтобы отогнать ее.

– Точняк, – кивает Принц. – Ника – моя девушка. Пришла ко мне вчера, дрожа как осиновый лист, говорит, в школе бешеная завелась. Только ты вчера успела домой укатить. Не иначе как чуяла, что по твою жопу приключения готовят. Но сегодня, Василина Дусманис... что у тебя за имечко-то такое, да и с фамилией, язык сломаешь... Так вот, ДуРманис, готовься, сегодня так просто не свалишь в свою нору.

Отрабатывать придется.

– Что, простите? – Все еще мало понимаю смысл речи Принца. Чего он хочет от меня? Надо же, как старался, искал со вчерашнего дня, имя с фамилией узнал.

– Отрабатывать повинность будешь. Чтобы научилась уму-разуму. Таков закон. Ты – тебе. Привыкай, ДуРманис.

– Может, хватит коверкать мою фамилию? – резко обрываю я блондина. Страх и смущение заслоняет злость. Какое он имеет право унижать меня?

– Сам решу, когда хватит, – отрезает Артур. Голос его мгновенно меняется, в нем проскальзывают нотки металла. – Ты, цыпа, наверное, плохо соображаешь, куда попала. Тут нельзя вести себя как в голову взбредет. Но я научу тебя.

– А ты типа учитель? Всем их место показываешь?

– Нет, только зарвавшимся новеньким.

– И как же ты меня учить собираешься?

И откуда только во мне бравада эта взялась...

Принц поднимается с учительского места и подходит ко мне вплотную. Гордость и ярость тают, стоит ему оказаться рядом. Как и я сама. Как мороженое, таю от его близости. Задираю голову и смотрю снизу вверх на склонившееся ко мне лицо. Невероятное. Завораживающее. Такие люди бывают лишь на экране телевизора. Столько красоты сразу невозможно вытерпеть и не ослепнуть. Сердце замирает, перестает биться, когда блондин наклоняется ко мне:

– Узнаешь. Прямо сегодня, Дунанис. Готовься.

– Ну, скажем, я готова. Что дальше?!

Не знаю, откуда берется эта бравада. Но мне вдруг становится абсолютно наплевать. Пусть делает, что захочет. Лишь бы это закончилось.

Взгляд Принца становится пристальным. Оценивающим.

– О-о, смелость я уважаю. Но как там говорят? Ожидание смерти хуже, чем сама смерть? Вот и ты подожди, имей терпение. Хочу растянуть удовольствие, раз уж ты такая храбрая. Прямо Жанна Д'Арк, жаль, мелковата. Не потянешь. А то блеснула бы в местном спектакле.

С этими словами Принц отходит от меня, направляясь к двери. Сопровождающие его несколько парней шагают следом. Класс, всю эту сцену наблюдающий в полнейшей тишине, тут же начинает шуметь, бурно обсуждая произошедшее. И вдруг разряжается овациями. Я продолжаю стоять на месте, обхватив себя руками. Чему они аплодируют? Тому, что двухметровый парень запугал новенькую? Или тому, что заступился за свою девушку? Или просто его красоте и харизме? Я уже поняла, что Артур – всеобщий любимчик, король школы. Барби – его королева. А я – прыщ на их заднице. Которому сегодня не поздоровится.

Оставшаяся часть уроков проходит в тумане. Благо меня, как новенькую, не спрашивают, не вызывают к доске, да просто не замечают. Вот бы дотянуть так до конца года... Но я догадываюсь, что это всего лишь розовые мечты. Барби-Ника, Артур, Лиса – все они разбились по очереди мои хрупкие

надежды на мельчайшие осколки. Не будет мне в этой школе ни покоя, ни комфорта. Я обречена быть изгоем. Меня ужасно задело, как Артур издевался над фамилией моего отца, потомственного Грека с острова Тасос. Для нас она была гордостью. Памятью о предках.

Мой папа, Никон Дусманис, покинул Грецию пятнадцатилетним подростком. Влюбился в русскую девушку и сбежал от родителей в неизведанную, холодную, огромную Россию. Девушке в скором времени наскучил влюбленный романтик-грек. Все новое, экзотическое быстро приелось. Быт, семью, обязанности – все это вертихвостка не захотела. Тем более семья отказалась от Никона, оборвала все связи. В греческой семье перечить родителям немислимо. Никон нанес самое сильное оскорбление своему отцу, всем предкам...

Пришлось обустроиваться в одиночку в России. Никон даже в университет умудрился поступить, на инженера. Правда, сначала целый год без устали бился над сложным русским языком. До слез буквально, как любил рассказывать папа. А потом стало полегче, нашел подработку, жилье, с отличием университет закончил. Так и остался жить в России. Вот только очень много лет прожил один – не мог забыть первую любовь и предательство. Пока однажды мою маму не встретил. И тогда его раненое сердце воспряло для любви. И опять невзгоды – мать возлюбленной ни за что не хотела принимать в зятя неизвестного грека, без корней, без связей с семьей, без денег... Родители сбежали. Мама была влюб-

лена в отца, как безумная. Но недолго длилось их счастье... Всего пять лет, а потом автомобильная авария оставила меня сиротой... Всего в два года от роду я потеряла маму...

Но я прерываю поток грустных воспоминаний. Жалостью к себе делу не поможешь. Сейчас лучше подумать, как ускользнуть от Принца и его Барби. Чего они хотят от меня? И что Ника наплела своему парню, раз тот пришел сюда, чтобы отомстить, намеренно унижить меня?

Последний урок приносит с собой ощущение чего-то неотвратимого. Во мне засело убеждение – Принц не бросает слова на ветер. Он готовит свою месть, и мне точно придется несладко. Как незаметно покинуть здание школы? Отчаяние, которое грызло меня с момента, как только я встретила глазами с Принцем, теперь уже вцепилось в сердце всеми своими клыками. Снова и снова я проматываю в голове разговор с Артуром. И каждый раз спотыкаюсь, вспоминая свою первую мысль – Принц хочет предложить мне стать его девушкой. Откуда только взялось это безумие? Как я вообще даже на секунду о подобном могла подумать? Такой красавец и нескладная серая мышка вроде меня? Я точно с ума сошла. Только в сказках Принцу нужна Золушка, и то, лишь когда наденет нарядное платье.

Я решила, что лучше всего покинуть школу окольными путями, в обход здания, там, где начинались технические помещения. Моя «знакомая» из столовой, Настасья Михайловна, великодушно разрешила мне пройти через подсобные

помещения на улицу.

Но, конечно, не удержалась от вопроса:

– Что случилось, деточка? С урока сбегаешь? Или обижают кто? Тут такой серпентарий, только и держи ухо востро! Ты, если что – мне говори. Меня они послушают, побоятся, что в суп им плюну.

«Или уволят», – думаю про себя, понимая, что ни в коем случае нельзя впутывать в свои проблемы эту добрую женщину.

– Нет, что вы, у меня все отлично, – стараюсь, чтобы мой голос звучал как можно беззаботнее. – Просто мне интересно посмотреть здание со всех сторон. Тут так красиво, везде цветы, деревья, целый сад! Хочется погулять подольше. Даже домой неохота.

Вру безбожно, но, кажется, Настасья Михайловна мне верит.

Шагаю почти вприпрыжку по выложенной плиткой дорожке, огибающей технический корпус школы. Любоваться палисадниками, как обещала, совсем не успеваю – в голове лишь одна мысль: поскорее бы убраться отсюда. Почему-то меня преследует мысль, что за мной следят. Может, я просто накрутила себя? Жалкая трусиха. Но ничего не могу с собой поделать. Мне страшно. На минуту присаживаюсь на скамейку, чтобы завязать шнурок на ботинке. Поднимаю голову и вижу вдалеке, возле забора, большую компанию школьников. Белокурая голова Принца. Рядом с ним Барби, снова

в розовом. Я не видела ее сегодня в школе, по счастью, не пересеклись ни разу. Она, как кошка, ластится к парню, что-то шепчет ему на ушко, а он по-хозяйски обнимает ее одной рукой, общаясь с друзьями, смеется чему-то. Потом поворачивает голову в мою сторону. Вжимаюсь в скамейку, не в силах пошевелиться, когда понимаю, что они направляются ко мне. Все. Начинается. Я просто не вынесу еще одного разговора, не смогу. Бежать. Но куда? Обратно в столовую? Признаться Настасье Михайловне в своих проблемах? Что обижают меня? Но они пока ничего не сделали. Еще и меня выставят виноватой. Да и что они могут сделать мне? Но страх поневоле охватывает, сковывает меня. Понимаю, что не могу двинуться с места, разве что сползти вниз под скамейку. Вот смеху то будет, если обнаружат меня под ней.

Кое-как поднимаюсь на ватных ногах, мне стыдно, что я оказалась такой жалкой трусихой, пячусь на газон позади, планируя спрятаться в кустах, авось не будут меня там искать. Пока они еще только направляются в мою сторону, о чем-то оживленно разговаривая, но тут же останавливаются, поглядывая в противоположном направлении. Что-то отвлекает их, так что у меня есть шанс...

И тут кто-то резко хватает меня за руку и затаскивает в кусты шиповника. Одна из веток больно царапает мне правое плечо, так что вскрикиваю от боли. Тогда мне зажимают рот и дергают еще резче.

– Заткнись, дура! – шипит кто-то мне на ухо. – Или хо-

чешь попасть в лапы к Ведьме?

Глава 4

Выворачиваюсь из захвата, поднимаю глаза и встречаю злющий взгляд... Лисы.

А эта что делает здесь? И она решила достать меня?

– Чего тебе от меня надо? – зло шиплю в лицо рыжей. – Мне и так проблем хватает. Из-за тебя, кстати!

– Из-за дурости твоей, скорее, – едко отвечает Лиса. – Я помочь тебе хочу. Вон та компашка неподалеку явно что-то задумала. Или ты, божий одуванчик, этого не видишь?

– Прекрасно вижу. Тебе-то что?

– Если поняла, что по твою душу, чего рассиживалась? Или опять крутую из себя строишь? Ох и заработала ты проблем на свою жопу! Неужели не понимаешь?

– Да я...

– Потом, – шикает на меня Лиса. – Они идут! Бежать надо!

И мы бежим. Я слепо следую за рыжей: дорожки, заросли, закоулки, вбегаем в здание, снова на улицу, и наконец, перед нами маленькая дыра в заборе на самом отшибе, за небольшой постройкой из серого кирпича. Ну и школа! Просто аттракцион лабиринтов!

Легко пролезаю в отверстие, размышляя, как теперь искать остановку своего автобуса. Я понятия не имею, где оказалась, и даже не удивлюсь, если в каком-нибудь параллельном мире!

Лиса следует за мной, но протискивается с трудом, она на голову выше меня и полновата. Впрочем, ее это не портит. Ей идут и немного грузная фигура, и рыжие волосы. Вот только симпатии я к ней теперь уже ни капли не испытываю. Ведь все из-за нее. Опускаю голову, осматриваю свою одежду. Так и есть, вторая рубашка за два дня – испорчена. Выдран клоч, видимо, зацепилась за неровные края, пока пролезала. Юбка тоже порвана. «Бабушка меня убьет», – первая мысль, которая приходит в голову.

Хотя на самом деле я понятия не имею, как поведет себя Анна Григорьевна, но мне в любом случае будет дико стыдно смотреть ей в глаза.

– И как я в таком виде домой пойду? – восклицаю в отчаянии, даже позабыв о Лисе, о том, что нужно держать лицо перед посторонними. Я совершенно не хочу выглядеть размазней.

Лиса вздыхает.

– Ну и дура ты. Поверь, рваные шмотки – меньшее из зол. И скоро в этом убедишься. Ты их еще не знаешь!

– О чем-то уже догадываюсь, – холодно отвечаю своей сегодняшней спасительнице.

– Ты куда?

– Остановку искать! Мне домой пора.

– Подожди!

– Ну чего тебе? – устало оборачиваюсь к Лисе.

– Ко мне пошли. Я тут рядом живу. Пешком недалеко.

Дам во что переодеться.

– Спасибо, обойдусь. Да и вряд ли твои шмотки мне подойдут по размеру...

– Намекаешь, что я толстая? – хмурится Лиса.

– Слушай, мне сейчас не до разборок, честно. Спасибо, что помогла. Но как ты вчера ясно дала понять, нам не по пути.

– Это потому что лесбиянкой тебя назвала?

Глупый вопрос виснет между нами. Лиса сегодня явно настроена более дружелюбно. А я понятия не имею, с чего упираюсь. Почему не даю ей шанса. И себе заодно. Мне не помешает подруга, даже после того, что произошло вчера. В конце концов, Лиза не была обязана бросаться мне на шею, после того как я вступилась за нее. Она меня не знала.

– Ладно. Где твой дом? – спрашиваю я.

* * *

Лиза Лаврова и правда живет совсем рядом со школой, только в противоположной стороне от остановки, где я выхожу. Жаль, нам не по пути, пусть даже совсем короткому. Приятно идти из школы с подругой. Простая трехкомнатная квартира в двенадцатиэтажном доме-свечке. Один подъезд, консьерж, в подъезде чистота, картины висят, зеркала в лифтах. Поднимаемся на пятый этаж.

– Проходи, – гостеприимно кричит Лиса, пролетая в обу-

ви на кухню. – Тапочки под вешалкой!

Я переобуваюсь и следую за ней.

– Сейчас есть будем, – кричит Лиса, уже из другой комнаты.

Она как ураган.

– Спасибо, я не голодна.

– Ну за компанию навернешь. Мать моя вкусно готовит.

– Наверное, я лучше домой пойду, – робко отвечаю я.

– С чего это? Только пришли.

– Мои волноваться будут.

– Так позвони. Скажи, дополнительные занятия.

Так я и делаю. Папа похоже по уши занят своей ювелиркой, отвечает рассеянно. Надеюсь, не забудет передать бабушке мои слова. Анна Григорьевна отсутствует, где-то на встрече с поклонниками. По идее, сейчас самое удобное время, чтобы прошмыгнуть домой незамеченной.

– Да не парься ты. У меня полно рубашек, похожих на твою. С позапрошлого года. Некоторые ни разу не надела, в упаковке лежат. Мать все никак не отдаст. Она обычно многодетным соседям мои шмотки раздает.

– Мне неудобно.

– Неудобно, знаешь что? Когда эта ведьма Ника тебя достаёт. А на остальное – наплюй.

Лиса наливает две тарелки ароматного супа.

– С фрикадельками. Мой любимый. Тебе понравится.

Некоторое время мы молча жуем.

– С чего это ты мне сегодня помочь решила? – задаю самый важный для меня вопрос, когда заканчиваю с супом. – Кстати, спасибо. Очень вкусно.

– Не за что, – хмыкает Лиса. – Захотела и помогла. Ты мне, я тебе. Не обижайся, что сразу так набросилась на тебя. Я в тот день ужасно психованная была, а еще эта Ника... Знаешь, а мне понравилось, как ты с Артуром сегодня разговаривала! Прямо круто! Ему ж никто перечить не смеет. Он – король.

– Больше на принца похож, – вздыхаю.

– Че, втюрилась уже? – хихикает Лиса. – Да-а, по нему все девки сохнут.

– И ты?

– Я – нет. У меня есть парень.

– Тогда почему Барби к тебе лезла?

– Барби?

– Ну эта, Ника.

– О, кстати, ей подходит кликуха Барби. Только я ее зову Ведьма. Еще больше идет.

– Такая ужасная?

– Не то слово! Жуткая стерва! Думаешь, Артур сам додумал к тебе прийти? Я слышала их разговор утром. Ух и накрутила Ведьма Принца! В таких черных красках тебя расписала. Прямо чудовище огнедышащее. Вот Артур и схватил меч, рванул защищать даму сердца. Мозгов-то у него немного, Ника вертит им как хочет... Ну и рожа у него была в пер-

вый момент, когда тебя, козьявку, увидел. Он же готовился бой-бабу под сотню кило встретить.

– Хочешь сказать, Ника меня так расписала? – удивляюсь я.

– Я сама слышала. Прямо монстром выставила.

– Но зачем?

– Да просто так. Ей нравится видеть Принца на побегушках. Крутит она им знатно. По-умному себя вела. Год Артурчику не давала. Этим и зацепила. Заставила ухаживать, цветочки, конфетки. Он отродясь столько не ждал – все само в руки плыло. А у Ведьмы концепция целая была разработана. Уж не знаю, кто помогал, сама она тоже мозгами особо не блещет... Вот и завяз Артур в этих отношениях. Они всего-то два месяца вместе. С лета. Побоялась Ника дольше тянуть.

– Интересно, – задумчиво отвечаю я. – Прямо лав стори.

– Так и есть. Но на любую Ведьму найдется своя Белоснежка.

– Типа я? – улыбаюсь.

– На Белоснежку, если честно, не тянешь. Мелкая, костлявая, курносая. Скорей уж гном.

– Ну спасибо! – фыркаю обиженно.

– Да ты не обижайся, я не со зла. Приодеть, накрасить – принцессой будешь. Но красотой Артура не возьмешь.

– Почему ты вдруг решила, что я «взять» его хочу? И в мыслях такого нет!

– Да я так, к слову брякнула. Конечно, не по зубам он тебе.

– Такой крутой?

– А то! Вся его семья – звезды в нашем городе.

– Актеры, что ли?

– Не, они из другой оперы. Папа – академик. Декан финансового факультета, в лучшем университете нашего города. Мать тоже из преподавателей института. Короче, известная семейка. Папаша вечно в газете мелькает. На мероприятиях разных. Дядька тоже в деканах вроде...

– Поэтому он такой зазнайка?

– Наверное, – пожимает плечами Лиса. – Откуда мне знать.

– Не хочу больше о них. Надоело. Про себя ты так и не рассказала. Что за конфликт с Ведьмой?

– Парень, – хмыкает Лиса.

– Но если она с Артуром, почему ее колышет еще какой-то парень?

– Потому что он – ее старший брат, – вздыхает Лиса.

– Что? Ничего себе! И насколько он старше?

– На четыре года. Матвеем зовут. Классный он. Мы на дискотеке познакомились. Встретились пару раз. У него такой байк клевый! Гоняли по городу. Как друзья... А потом Ведьма узнала...

– И что? Ей какое дело?

– Да ей до всего дело есть. Везде нос свой сунуть готова. И брату одну из подружек своих подогнать пыталась. А он...

Ох, ты не представляешь, какой он!

– Познакомишь?

– Эх, я ведь даже не уверена, что снова с ним увижусь! –

Выдав эту фразу, полную отчаяния, Лиса встает и начинает убирать со стола, мыть посуду.

– Давай помогу, – предлагаю я.

– Сиди. Ты гость, сама справлюсь. Знаешь, у нас ведь только начиналось все, когда Ведьма влезла. Увидела нас на дискотеке вместе. Мы целовались. Мой первый поцелуй, понимаешь? А она набросилась, в волосы мне вцепилась. Матвей оттащил, конечно... Но момент она испортила. Ненавижу эту сучку! И теперь Матвей не звонит мне... Наверное, решил, что все кончено.

– Но почему ты ей сдачи не дала? Тогда, в спортзале? Ты сильная... крупная. Могла бы уложить эту выдру тощую.

– Ага, и ко мне бы Принц на разборки пришел, – ухмыляется Лиса. – С ними нельзя ничего сделать! Они звезды... чтоб их.

– И что терпеть? Спускать обиды?

– Не знаю... Одноклассники в основном либо обожают Нику, либо боятся до смерти. Артур – король школы, ему вообще никто не указ. Но он, если честно, и не лютует особо. Не обижает никого. Разве что по делу. А уж чтоб к девчонке прицепился – никогда такого не было. Ты – уникум, гномик. – С этими словами Лиса заканчивает мыть посуду, вытирает руки, посылает мне воздушный поцелуй и уходит

в комнату.

Сию и перевариваю обилие информации. Ведьма-Барби, Принц-Король, и я... Гном. Совершенно идиотское сочетание для самой креативной сказки.

– Иди сюда, Гном, нашла тебе рубашку! – кричит из комнаты Ника.

Встаю со стула, размышляя, как убедить Лису забыть об этом прозвище. Уж кем-кем, а гномом я быть уж точно не желала.

* * *

Домой я летела на крыльях. Мы с Лисой забыли о неудачном старте знакомства и еле смогли расстаться уже под вечер, когда я забеспокоилась, что автобусы перестанут ходить, и я не доберусь до дома. А еще один приятный сюрприз состоял в том, что Настасья Михайловна, женщина из столовой, оказалась мамой Лисы. Вернувшись домой и застав нас, танцующих под оружий из телека рок, бешено скачущих по креслам и кроватям, эта добрая женщина лишь улыбнулась. Правда, телевизор выключила. Спросила, что мы ели. И потащила с собой на кухню пить чай с тортом. Уютная атмосфера, которую мне не хотелось покидать и уходить в большой, но холодный дом бабушки.

Все равно, настроение было замечательным. Не омрачила его даже лекция от Анны Григорьевны, которая верну-

лась домой раньше меня. Отец, конечно, рассказал ей о моем звонке. Но, видимо, бабушка посчитала, что строгая отповедь не помешает.

* * *

В школу на следующий день я тоже шла воодушевленная, уверенная в своих силах. Теперь у меня есть подруга. Мы не дадим друг другу в обиду!

Увидев в классе Лису, я на минуту сбилась с шага. Растерялась – садиться к ней за парту или на свое прежнее место? Но Лиса так активно замахала руками при виде меня, что сомнения отпали. Я бросилась к ней. Хотелось прямо задушить в объятиях, но я сдержалась. Несколько раз нам учителя делали замечания на разных уроках – мы не могли наболтаться. В столовую тоже ходили вместе. Тишина. Ни Ведьмы, ни Принца в поле зрения. Вот бы так всегда!

Последним уроком было рисование. Но на большой перемене Лиса получила СМС от Матвея, тот подъехал к школе, чтобы забрать мою подругу покататься. Мы вместе вышли в школьный двор. Матвей и правда оказался красавчиком. Взрослый, высокий, блондин с белокурыми волосами, огромными глазами... Ох, тоже принц. Он был довольно похож с Ведьмой. Но даже это не отталкивало. Моя подруга отхватила себе абсолютно шикарного парня! Правда, она во многом сомневалась, комплексовала, и вообще у них даже

поцелуя толком не было, все испортила Ведьма... Но я на все сомнения резонно заявила, что такой красавец даже не подъедет к школе, которую закончил несколько лет назад, без веской причины. Значит, есть большой интерес. Лиза повеселела. Она выглядела сегодня прекрасно, рыжие волосы блестели на солнце, распущенная копна ослепляла. Глаза сияют от счастья, делая симпатичную мордашку Лисы совершенно изумительной. Она легко запрыгнула позади парня на байк и помахала мне рукой.

– До завтра, Василина!

Вообще-то Лиза уговаривала меня тоже сбежать с рисования. На всякий случай. Мы договорились везде держаться вместе, но не отменять же из-за этого свидание?

Но я сказала, что очень люблю рисовать, впрочем, это действительно так. Но осталась я на урок по другой причине. Бояться, бежать, как пугливый заяц, я больше не хотела. Пристанут – дам отпор.

Учительница по рисованию показалась мне странной особой. Копна волос мышиноного цвета, очень пышная, создавала впечатление безумного начеса. Круглые очки, длинный сарафан. Задание она пробормотала себе под нос и вышла из кабинета. Совсем как учитель на информатике. Но ничего не происходило, ни Артура, ни свиты. Я выдохнула. Принц еще сильнее упал бы в моих глазах, появившись он сейчас снова. Нашел с кем тягаться, здоровый лоб почти два метра ростом. Неужели сам не понимает, что глупо выглядит, нападая на

девчонку?

После звонка учительница так и не вернулась. Странные порядки в этой школе.

Я мыла кисти возле раковины, в классе почти никого не осталось, когда почувствовала, что в спину ударилось что-то мокрое. Шлепок. Еще один. Поворачиваюсь – подружки Ведьмы и еще несколько парней из нашего класса, в руках у них обычные воздушные шарики. Только наполнены они не воздухом. А, похоже, краской, разбавленной водой. Снова и снова эти «гранаты» летят в меня, ударяют в плечо, в грудь, а самое унижительное – в голову. Не больно, но ужасно неприятно. Прикрываю себя руками. Я уже мокрая с ног до головы, одежда безнадежно испорчена, и я не представляю, как поеду домой. Позади компании стоит Артур, руки сложены на груди, он молча наблюдает за сценой. Очень внимательно. Отодвигает ребят и выходит на передний план.

– Всем спасибо, – кидает он ребятам, у которых все еще достаточно шариков. – Все свободны.

Мы остаемся наедине. Он подходит ко мне вплотную. Так близко, что чувствую запах его парфюма, удивительно приятный, обволакивающий, тепло, исходящее от его тела. Серебристые глаза Артура беззастенчиво скользят по моему залитому краской лицу, по мокрой испачканной одежде, останавливаясь более внимательно на груди, просвечивающих через мокрую одежду сосках. Я сквозь землю хочу провалиться от этого взгляда. Я продрогла, меня колотит. Не знаю,

от чего больше, от холода, или от унижения.

– Ты вчера очень дерзко себя вела. Сегодня, надеюсь, тебе все объяснили более доступно?

Продолжаю стоять молча. Зубы выбивают барабанную дробь. Мне дико хочется показать ему средний палец и послать к черту. Только об этом и могу думать. А еще о том, что никогда больше не вернусь в эту школу. Ни за что! Но я нет сил произнести ни слова, меня словно парализовало. Хочу оттолкнуть его и убежать. Но не могу решиться прикоснуться к нему даже на секунду. На лице Принца написано пренебрежение. Словно ему противна картина, которую он сам же и нарисовал широкими мазками краски, как безумный художник.

Во мне закипает ненависть. Кто он такой, этот красивый мальчик? Почему думает, что может безнаказанно измываться надо мной?

– Теперь ты доволен? – тихо спрашиваю, едва сдерживая kloкочущую внутри ярость. – Чувствуешь себя королем?

– Ты сама напросилась. Ника в школу второй день не приходит. А ты была вчера слишком дерзкой. Пришлось наказание придумать.

– Может, вы с Никой отвяжетесь от меня и займетесь друг другом?

– И так занимаемся. Очень много и усердно, уж поверь. Меня затошнило от его намека.

– Мне плевать, чем вы занимаетесь. От меня отстаньте!

– Да больно нужна ты, малявка. Попросишь завтра прощения у Ники. Подойдешь к ней в столовой, извинишься, перед всеми. И не задирай больше мою девушку. Обходи стороной, не хами, не дерзи. У тебя слишком острый язык, подумай об этом. Могут и подрезать.

– А что будет, если не извинюсь? – Нервно касаюсь золотого кулона на шее. Маленький мотылек в круге из звезд. Папина работа, которую он подарил матери на свадьбу. Единственное, что осталось на память от мамы. Он всегда со мной, защищает меня.

– Продолжаешь дерзить? Лучше подумай, как будешь домой добираться. Нет, из тебя, конечно, отличный вышел клоун. Но смотри не простудись, сегодня пасмурно и прохладно.

– Не беспокойся, хотя ты это вряд ли умеешь!

Артур уже, кажется, готов был уйти, но мой выпад останавливает его. А я прикусываю губу и снова тереблю цепочку. Ну почему я не могу держать язык за зубами? Зачем продолжаю эту бессмысленную стычку, которая принесет мне лишь новые унижения?

Артур снова подходит ко мне вплотную, мои руки все сильнее сжимают кулон.

– Дай посмотреть.

И вот мой талисман каким-то неведомым образом уже в его ладони. То ли цепочка растянулась в самый неподходящий момент, то ли Артур такой проворный.

Меня охватывает паника. Только не это, пожалуйста! Мне

противно даже от мысли, что эта вещь оказалась в его руках!

– Немедленно отдай!

Из глаз брызнули слезы. Еще одно унижение, плакать на глазах этого урода.

– Это личное. Пожалуйста, хватит. Ты, кажется, уходил. Я извинюсь, ты выиграл.

– Ого, такая ценная вещь? Любимый подарил?

– Ага, самый дорогой сердцу человек. И то, что ты держишь эту вещь в своих руках – уже кошунство.

– Ой, ты меня пристыдила, – смеется Артур. Облокачивается на переднюю парту. В его глазах блеск – задумал что-то.

– Раз эта вещь так важна, я понял, что угодно сделаешь.

– Она очень важна для меня.

– Тогда подойди сюда ко мне.

Подхожу и встаю напротив Артура.

– Вот так, молодец. Вставай сюда. Разденься.

Я уже вся заледенела к этому моменту, но от этих слов меня бросает в жар. Щеки начинают гореть. Он вообще в своем уме? Как смеет говорить такое! Этот парень абсолютно ненормальный!

– Ты больной.

Губы Артура изгибаются в усмешке.

– Возможно. Сними блузку. Она все равно мокрая. Хочу посмотреть, насколько тебе дорог кулон.

– Пошел к черту!

Выбегаю из класса в слезах, они текут нескончаемым по-

током. Чувствую соленый вкус во рту – похоже, я до крови прикусила губу. Встреченные ребята пьются на меня, мокрую, в мазках краски, зареванную. Но сейчас мне уже плевать. Отчаяние душит, растет в груди огромным комом. Я все потеряла. Гордость, самоуважение, но более всего мне жаль мамин кулон. Как я теперь заберу его у Артура?

Глава 5

Бегу в единственное место, где могу получить помощь – в столовую. Настасья Михайловна в ужасе смотрит на меня.

– Это что же, деточка? Кто сотворил такое с тобой? Вот ведь паразиты безмозглые!

От ее участия плачу навзрыд, у меня начинается истерика. Настасья Михайловна увлекает меня в подсобное помещение, усаживает на стул и начинает вытирать полотенцем.

– Бедная деточка! Ты насквозь мокрая. Ничего, сейчас к нам пойдем. Вымоешься, найдем, во что переодеться. А Лизка где? Она с тобой была?

Я не могу подставить Лису, рассказав ее матери, что та сбежала с рисования.

– Нет, она на дополнительных занятиях, – с ходу придумываю я.

– Так кто это сделал? Лично уши откручу!

– Нет, не надо! Это случайно вышло.

Слова так и рвутся с языка, выплеснуть накопившуюся обиду, рассказать все как есть, но я почти уверена, что это лишь принесет новые проблемы. И мне, и Лизиной маме. А я меньше всего этого хочу.

– Ладно, не плачь, милая. Вот, держи полотенце.

– Я испорчу его краской.

– Плевать. Высушись, я тебе сейчас халат белый дам. Дой-

дем до нас, а там переоденешься. Нельзя через весь город в таком виде. Ох и паразиты, ну только бы добраться до них!

Настасья Михайловна причитала всю дорогу до дома, а я переживала, как бы она не спросила снова про дочь. Но, кажется, мое объяснение про дополнительный удовлетворило женщину. Правда, когда мы пришли в квартиру, она набрала Лизу. Та, видимо, хорошо продумала свои объяснения, трубку Настасья Михайловна повесила весьма довольная.

— Ладно. Лизки еще пару часов не будет, а я сейчас переоденусь, и такси возьмем. Провожу до дому тебя. Но сначала в ванную дуй.

— Что вы! Не надо. Вы и так мне помогли очень!

— Без разговоров, Василина, держи полотенце. Вперед.

Я не стала больше спорить, тем более мне нестерпимо хотелось смыть с себя краску.

После ванной Лизина мама усадила меня пить чай. Мы болтали на отвлеченные темы, возвращаться в бабушкин дом мне ужасно не хотелось. Отец, как обычно, наверняка по уши занят своим хобби. Или читает что-нибудь. А с Анной Григорьевной я пока не нашла общий язык, не знала, как вести себя. Наверное, это нормально, прошло совсем немного времени...

Но, с другой стороны, ведь с Настасьей Михайловной мне хватило пары разговоров. Как же мне уютно в обществе этой женщины. Я словно увидела в ней маму, которую не знала никогда.

Как я ни отпираюсь, Настасья Михайловна заказывает такси и везет меня домой. Всю дорогу волнуюсь, думая, как объясню это бабушке. Вдруг Лизина мама решила рассказать о произошедшем моим родственникам? Я совершенно не хочу этого. Сажу в такси как на иголках, ерзаю, терблЮ подол юбки Лисы. И рубашка на мне снова с ее плеча. Она, впрочем, не надевала ее, с этикеткой вещь была, но все равно неловко. Настасья Михайловна ободряюще сжимает мою ледяную ладонь:

– Все хорошо будет, не нервничай, милая.

Заходим вместе в дом бабушки. Уже почти восемь вечера, представляю, какую лекцию устроит мне Анна Григорьевна. Вот и она, встречает нас практически на пороге. Недовольство на лице сменяет удивление, когда она видит мою спутницу. Позади бабушки появляется отец. Немую сцену нарушает веселый голос Настасьи Михайловны:

– Добрый вечер! Вы извините, что я без приглашения. Надеюсь, не очень вас побеспокоила.

– Что случилось? – тревожно вопрошает папа. – Василина, ты что-то натворила в школе?

– Вовсе нет, наоборот! – прерывает его Настасья Михайловна. – Такая замечательная девочка у вас! Всего пара дней, а с моей обалдуйкой так подружились – не разлей вода! Вот

я и решила приехать, представиться, познакомиться. Лизок у меня не блещет отметками. И Василина была очень добра, оставалась вот у нас два дня подряд, занимались девоньки. Над учебниками корпели. Ну а сегодня думаю – провожу девочку. И чтоб вы не расстраивались, сама объясню все. Да чтобы не подумали чего.

На лице отца проступает облегчение. Он радушно здоровается с Настасьей Михайловной и приглашает ее в гостиную.

– Сейчас чаю приготовим. Вы знаете, просто камень с души. Очень рад, что дочка нашла себе подругу. У нее никогда не было много друзей, она трудно с людьми сходится.

– Да ну нет, не поверю, мы так вот сразу общий язык нашли, – воркует Настасья. – Я-то ведь там же, в школе, работаю.

– Да что вы?

– Ага. В столовой.

– Как замечательно.

Но я догадываюсь, что бабушке это не кажется таким прекрасным. На ее лице брезгливая гримаса. Папа с гостьей удаляются, а мне Анна Григорьевна преграждает путь.

– Значит, репетитором заделалась? – хмуро спрашивает она.

– Что плохого в этом? Помогаю подруге, это проступок?

– Дружбы за пару дней не бывает.

– Возможно. Нам просто интересно вместе. Лиза живет

рядом со школой, поэтому мы и сидим у нее...

– Об этом нужно разрешения просить, Василина. Кажется, вчера я тебе это объясняла. А сегодня ты сделала то же самое!

– Простите. Но у меня нет мобильного телефона... Я бы обязательно позвонила вам. Нашла бы откуда. У Лизы попросила бы... Но не знаю вашего номера.

– Так запиши мой номер сейчас же. И потом, ты знаешь телефон отца. И что значит «нет мобильного телефона»? Если это так, почему ты молчала? И как это допустил твой отец?

– Мой телефон сломался. Перестал работать...

– Почему не сказала мне об этом? Разве ты не понимаешь, как важно быть всегда на связи? Что за детские выходки, Василина? И почему не попросила телефон у кого-нибудь из друзей? Этой Лизы, ее матери, наконец?

– Я попросила. Не дозвонилась.

Вру. Сегодня я о таком даже не вспомнила. Пока мылась в ванной, меня снова накрыла истерика. Так обидно было вспоминать произошедшее. Я не смогу вернуться в эту школу. Но как объяснить такое отцу? Бабушке... Да, я не могу вернуться, но бросить Лизу, забыть о кулоне матери я тоже не могу. Это рвет меня на части...

– Мне кажется, я говорю со стеной! Я объясняла тебе порядки и правила поведения в этом доме!

– Простите, – снова извиняюсь. Как же это надоело – по-

стоянно чувствовать себя в чем-то провинившейся! Но бабушка права, нужно было попросить у Настасьи Михайловны телефон. А оправдания типа «я была мокрая, измазанная в краске, а еще зареванная по вине одного козла» можно засунуть себе в одно место. – Этого больше не повторится!

– И что это за тяга к плебеям? – переключается неожиданно на другую тему Анна Григорьевна. А я просто столбенею, услышав такое. Бабушка, конечно, звезда и тому подобное... Но не ожидала от нее снобизма!

– Что, простите? – уточняю в надежде, может неправильно ее поняла.

– В этой школе учатся дети известных в городе личностей. Очень интересных, знаменитых. Слышала, например, о Бурмистровых? А ты не нашла ничего лучше, как с дочерью поварихи подружиться! Правду говорят, гены не пропьешь... Это все твой отец, ни на что не годится в плане воспитания...

– Но он – мой отец! – обрываю Анну Григорьевну. – Именно он будет решать, с кем мне можно общаться.

Я буквально свирепею от такой несправедливости. Чудесная, добрейшая Настасья Михайловна недостаточно хороша для бабушки только потому, что работает в столовой! Не говоря уже об ее упоминании Бурмистровых, фамилии, которую я хочу забыть, как страшный сон. Я себя почти не контролирую. Еще немного, и взорвусь, нахамлю бабушке. Поэтому я просто разворачиваюсь и выбегаю из холла. Занушу, как ураган, в гостиную. Отец и Настасья Михайловна

мирно беседуют о чем-то. Вскидывают глаза на меня, а я уже не могу сдержать слезы, которые ручейками катятся по щекам.

– Что такое, дочка? – взволнованно спрашивает папа.

– Милая, что случилось? – вторит ему Настасья Михайловна.

– Ничего! Пожалуйста, хватит на сегодня! – крик отчаяния в никуда, взвиваюсь по лестнице, забегая в свою комнату и захлопываю дверь.

* * *

Меня выручило больное горло, которое нестерпимо щекотало, горело и приносило кучу самых неприятных ощущений. Полоскаю каждый час содой и морской водой. В школу можно не идти, и мне необходима эта отсрочка.

Бабушки дома нет – снова на встрече с поклонниками. Только и живет этим. Но мне даже лучше. Пока она дома – не хочется из комнаты выходить, все еще злюсь на нее из-за вечернего разговора. Похоже, как и она на меня. Отец сообщил ей, что я заболела. Но она даже не зашла проведать. Наверное, заразиться боится. Ну и ладно.

После уроков ко мне примчалась Лиса. Она уже в курсе вчерашних событий. Залетает в комнату и взволнованно восклицает:

– Артур просто урод! Ты как, Василин? Неужели аж до

ангины допереживалась?

– Как ты меня нашла? – хриплю в ответ. Имя моего врага неприятно режет слух, причиняет дискомфорт. Сегодня все произошедшее кажется еще более диким и омерзительным.

– Мать адрес сказала. Денег на такси дала. Оказывается, она у вас вчера в гостях побывала! С отцом твоим подружилась! Очень он понравился ей! Я ужасно рада, мы теперь прямо-таки как сестры!

– Я хочу уехать отсюда. Вернуться в родной город, но еще не говорила папе, – делюсь с подругой наболевшим.

– Из-за вчерашнего? Эх, говорила тебе, не ходи без меня на рисование! Зря я тебя одну там оставила...

– Чем бы ты помогла мне? Тебя просто забросали бы вместе со мной.

– Вдвоем веселее! И не так обидно! – восклицает с энтузиазмом Лиса, и это происшествие уже не кажется таким ужасным. Поневоле начинаю улыбаться, хихикать. Но потом вспоминаю про кулон.

– Он забрал то, что мне очень дорого как память, – делюсь несчастьем с Лизой. – Я должна его вернуть. По-любому.

– Вернем! И вообще на место придурка поставим. Ведьма сегодня в школу притащилась, кстати. Обнималась эта парочка в столовой, аж смотреть тошно. Он ее за все места просто затискал. Долбаный извращенец.

– Не говори мне о них. Даже слышать не хочу!

– А потом Ведьма меня в углу прижала, – признается Ли-

за, не обращая внимания на мою просьбу.

– Да ты что! И ты молчишь, не рассказываешь?

– Так вот ведь! Говорю! Прижала, сука такая, опять начала по поводу Матвея цеплять.

– А почему ты Матвею не пожалуешься?

– Пробовала. Но он видит свою маленькую сестренку прямо ангелочком.

– Он что, дурак? – вырвалось у меня. – Или слепой?

– Он просто хороший старший брат.

– Прости, я не хотела оскорбить твоего парня.

– Проехали. А потом эта сволочь и говорит: «Чего это твоя пигалица-подружка не пришла в школу? В штаны наложила, бедная?» Я тогда еще не знала ничего... Прямо опешила. Я тоже все думала, чего ты в школу не пришла. Позвонить хотела. Но, оказывается, не знаю номера твоего. Я даже не поняла, как так вышло, что не спросила.

– У меня нет телефона. – Вздыхаю.

– Как это может быть? Даже у стариков есть мобильники.

– Мой сломался. Еще там, дома. Симка, наверное, уже заблокирована, слишком давно не пользуюсь.

– А почему не купили новый?

– Отцу не до этого, да и денег нет.

– Такой домище, бабка наверняка у тебя богатая.

– Я не собираюсь у нее ничего просить...

– Ну, как знаешь! Но без мобильного не дело! У меня есть старенький. Ужасно примитивный, но, может, работает

еще...

– Я хожу в твоей одежде, вы меня кормите... не могу я еще и мобильник от тебя взять!

– Почему? Кстати, о кормежке! Я совершенно забыла, мать прислала куриный бульон! Я его в пакете внизу оставила. Ща разогрею, мигом тебе горло вылечим!

Подруга, громко топая, несется вниз. Через полчаса, я уже успеваю задремать, возвращается с чашкой ароматного бульона. Такая забота трогает меня до слез, смахиваю их украдкой. Лиза прислоняется рукой к моему лбу.

– Вроде нет температуры. А глаза вон слезятся.

– Ты смотри сама не заболей.

– Да я только за! Отосплюсь недельку, задолбало вставать рано. Кстати, я познакомилась сейчас на кухне с твоим отцом. Прикольный, очень! А мамке как понравился. Как бы не втюрилась. Влюбчивая она у меня... Хотя... Мы тогда с тобой сестрами настоящими станем! Прикльно!

В болтовне обо всем проходит еще несколько часов. Выписываю у Лисы задания, что дали сегодня на дом. Провожая вниз – мне уже значительно лучше, видимо, и правда помог бульон.

– Отлеживайся, спи, ни о чем не волнуйся. Думаю, пока поболеешь недельку, Артур с Никой обо всем позабудут. Найдут, к кому еще прикопаться.

– Но мне все равно придется подойти к нему из-за кулона...

- Не думай об этом. Я сама у него спрошу.
- Ну уж нет! Тебя и так Ника достает!
- Вот именно. Все равно прицепится, так что хуже не будет! Завтра после уроков не смогу заскочить... С Матвеем договорилась... Погулять. В парке.
- Круто!
- Ох, даже не знаю. Он такой обалденный... Мотик и все такое... А я... толстуха рыжая. Так, все, нафиг мамкину выпечку, строгая диета – и вперед!
- Ты прекрасно выглядишь, – убеждаю я подругу.
- Ага, сказала худышка, которая лишний кусочек шоколадки не съест.
- Просто не люблю сладкое.
- Ох, я так никогда не уйду! Ладно, пока! – Подружка убеждает рыжим ураганом.

* * *

Две недели ангины пролетают слишком быстро. К сожалению. И снова передо мной маячит призрак ненавистной школы, а точнее – Бурмистрова. Не хочу его видеть, просто не могу. Даже к Нике, с которой все началось, у меня нет такой ненависти.

Лиса подбадривает меня, старается развеселить. Даже встретила на остановке, чтобы вместе в школу войти. Чувствую себя ужасно жалкой. Почти шестнадцать, и такая тру-

сиха.

А еще – полная неудачница. Потому что уже возле своего шкафчика в раздевалке (погода слякотная, сменная обувь обязательна) встречаю Нику. Она выглядит донельзя довольной.

– Ну что, отсиделась, мышь, в своей норке? – щебечет она, хлопая наращенными ресницами.

Интересно, ей учителя замечания не делают? Зачем с таким макияжем в школу приходить?

– А? – делаю вид, будто не понимаю, что меня мышью назвали.

– Отсиделась, говорю? Ты еще и глухая к тому же?

– Нет, просто не поняла, о чем ты. Слушай, я не хочу ссориться. Я очень извиняюсь перед тобой, правда. За то, что упала на тебя. Я неуклюжая, факт. Но сделала это не специально... Может, забудем уже?

– Хммм. Возможно. Но ты вроде как перед всеми в столовой извиниться обещала.

– Может, не будем этот цирк устраивать, а? Я нигде не отсиживалась, во-первых, у меня ангина была. А во-вторых, твой парень сильно перегнул палку, защищая тебя.

– Завидно, мышка? У тебя-то никогда такого парня не будет! – пафосно восклицает Ника.

«Ну что за дура», – вздыхаю про себя. Да толку спорить. Но все равно, помимо воли вырывается:

– И слава Богу! Я бы все отдала, лишь бы этого твоего

парня никогда больше не видеть!

– Seriously? – раздается голос за моей спиной.

Я даже не заметила, как он подошел! Спина миглом становится мокрой. Коленки дрожат. С Никой я бы еще справилась, но с ними обоими...

Разворачиваюсь к Артуру лицом. Глупо идти на попятную.

– Ага. Совершенно серьезно! Я готова на все, лишь бы больше никогда не видеть твою физиономию! Но ты, похоже, мимо просто не можешь пройти!

– Эй, полегче на поворотах, – хмурится Ника. – Ты вообще как разговариваешь?

– Да я еще нормально разговариваю. – Кажется, на самом деле я впадаю в истерику. – После того, что со мной произошло! Интересно, Барби, ты в курсе, что твой Принц просил меня блузку перед ним снять? – смеюсь им в лицо, а в глазах – слезы. Чувствую, еще немного, и разревусь перед ними, окончательно унизив себя...

– Что? – подпрыгивает Ника. – Как ты меня назвала? Что сказала? Ты, пигалица безмозглая, да я тебе...

– Эй вы! – раздается крик, поворачиваю голову – к нам несется Лиса. – Отошли от нее! Быстро! Или я к директору иду.

Лиза подлетает ко мне, обнимает, я утыкаюсь лицом в пышный бюст, прячу слезы в ее мягкости. Чувствую себя невероятно хорошо. Как же славно, когда друг рядом...

– Эта дура заявила, что Артур к ней приставал!

– Бред, – бормочет Бурмистров. – Ника, пошли отсюда.

– Это правда, – подтверждает Лиса. – А еще кулон забрал.

И просил раздеться, если хочет вернуть. Это память о близком, Бурмистров. Даже ты своими тугими мозгами должен сообразить. И вернуть.

– Артур, это правда? – пищит Ника, хлопая глазами. – Ты просил эту плоскую уродину раздеться?

– Ника, тебя еще хоть что-нибудь в этой жизни волнует? – взрывается Лиса.

– Если к моему парню клеишься, сволочь, тебе хана! – визжит на это Барби. Похоже, на остальное ей действительно плевать.

– Пошли отсюда, наедине поговорим, – тянет свою девушку в сторону Артур.

Ника нехотя позволяет парню увести себя. Я делаю глубокий вдох и крепко обнимаю Лису.

– Ну чего ты, малышка, – мягко похлопывает мне по спине Лиза. – Хорош. А то прослышем в школе с тобой лесбиянками. Тут ярлыки быстро вешают.

– Кажется, я уже не против, – всхлипываю. – Если все парни такие, как Бурмистров, я лучше сразу лесби стану.

– Ну у меня вообще-то парень есть, – хихикнув, напоминает Лиса.

– Знаю. Ты счастливая.

– И тебе найдем. Будет от таких вот кретинов защищать.

– Ой, нет. Не хочу... – осекаюсь, потому что к нам снова идет Бурмистров.

– Ты нажила себя крупные неприятности, деточка. Теперь тут уже не в Нике дело. А между нами.

– Снова угрозы? – взрываюсь я. – Достал уже, хватит.

– Смелая, пигалица.

– Отдай кулон!

– Теперь его точно не получишь, пока через веревочку, как зверек, не попрыгаешь.

– Пошел к черту!

– Посмотрим, как запоешь, птичка, когда оборву все крылышки, – едко произносит Артур, и уходит.

– Ну что такое-то! – вырывается из моей груди стон. – Сколько можно? Не могу так больше.

– Да наплюй. Бурмистров не так ужасен и вообще отходчивый. Не знаю, что это между вами такое... Раньше никогда девчонок не трогал, с первого класса его помню. За ним девки всегда табунами... Он, наоборот, чуть ли не бегал от них. А у вас... Прямо нашла коса на камень. Любовь и ненависть.

– Зря мы про блузку сказали, – вздыхаю я. – Ника теперь не отвяжется. Будет думать, что ее Принц ко мне приставал...

– Ну и отлично! Пусть утрется, Ведьма!

– Хотя... Вряд ли она всерьез поверит, – добавляю, подумав. – Где я, и где Барби!

– Чушь! Ты красотка.

– Спасибо, но ты врешь.

– Нет, не вру. Если такие, как Артур, этого не видят, то, значит, дебилы!

– Ты очень милая, – улыбаюсь подруге. – Но такие, как Артур, никогда не посмотрят на меня как на девушку. Им тюнинг подавай, все самое яркое, лучшее. Я же такой не собираюсь становиться никогда. Да и не хочу я привлекать подобных дегенератов. Только бы отстали от меня, отвязались! Сил уже нет.

– Отвяжутся. Я с Матвеем поговорю, – решает Лиса. – И правда, надоело. Учиться не дают.

Знаешь, что! В пятницу в клуб пойдем! Втроем, с Матвеем.

– А третий кто?

– Ты, дурында. Парня будем тебе искать.

– Вот уж нет, спасибо!

– Не обсуждается.

– Бабушка не отпустит.

– У отца отпросим, маман постарается. С ночевкой.

– Точно нет.

– Все получится!

Глава 6

Все оставшиеся учебные дни этой непростой для меня недели прошли под девизом «быть незаметной». Я разве что со стенами не сливалась. В столовую перестала ходить – брала с собой бутерброд, мне хватало. Подруга тоже старалась быть все время рядом. И еще несколько девочек из класса, с которыми Лиса дружила, но не очень близко. Маша Анохина и Таня Торопова. Вполне себе нормальные оказались девчонки. Не ботанички, но учились хорошо, даже в чем-то помогали мне, подсказывали. На переменах мы теперь везде ходили вчетвером. Так было гораздо спокойнее, да и веселее. Я никогда прежде не была частью большой компании. А тут к нам еще и парни присоединились – Петя Моржухин и Ваня Стеблов. Сначала я не могла понять причину такого внезапного желания дружить. Позже Лиса открыла мне глаза. С удивлением я узнала, что стычка с Артуром на информатике сделала меня знаменитой на всю школу. Почему-то мое жалкое блеяние в лицо этому крестину сочли за смелость. И теперь многие хотели со мной если не дружить, то хоть пообщаться. Даже парни. Удивительно, но, вступив в схватку с королем школы, я тоже как будто приобщилась к звездному статусу. Противно было это осознавать, но, с другой стороны, дружелюбие, внимание – это очень даже приятно. Жаль, с дискотекой у нас не вышло. Бабушка услышала, как

я у папы отпрашиваюсь, и устроила скандал, заявив категорическое «нет».

«Ты только оправилась от ангины, а уже собралась в гости развлекаться. Сиди дома, догоняй программу, мне нужна золотая медаль, не меньше», – вот краткое содержание ее отповеди. Училась я всегда отлично. Здесь же пока получала в основном четверки – стеснялась отвечать, особенно когда вызывали к доске. Медаль меня мало волновала, но универ – очень даже. Золотая награда данной школы гарантировала поступление в лучший университет города на бюджетное отделение практически на сто процентов. И я вняла увещеваниям бабушки, в пятницу как следует выпалась, предоставив Лизе самой развлекаться в клубе, с Матвеем, разумеется. И правда, зачем им третья лишняя? Все выходные я усердно занималась уроками, зубрила, решала, чертила. Подобрала все хвосты, чтобы в понедельник прийти на занятия максимально подготовленной. Бабуле нужны пятерки? Ок, если она от меня после этого отвяжется – сделаю, как она желает, с превеликим удовольствием.

* * *

Мои новые друзья оказались интересными и веселыми. Петя Моржухин был давно влюблен в Таню Торопову. Все остальные мило подшучивали над зарождающимися отношениями двух голубков. Забавно, наша спонтанно образо-

вавшаяся компания дала толчок этой любви. Куда эти двое смотрели раньше? Почему молча проходили мимо друг друга? Почему причиной всему происходящему в школе, пусть даже косвенно, неизменно оказывался противный Артур? Ведь не случись между нами конфликт, кто знает, нашла бы я столько друзей?

Ваня Стеблов – очень веселый, задиристый, обожает спорт, качалку. А вот Артура Бурмистрова – терпеть не может. «Наш человек!» – как сказала Лиса. Это не могло не вызвать у меня симпатии к парню.

Итак, дружной компанией ходим по школе, да и за ее пределами. Гуляем во дворе дома Лисы после уроков, играем в волейбол на спортивной площадке, правда, получается у меня ужасно, чувствую себя маленькой и неуклюжей.

Через какое-то время начинаю замечать, что Иван проявляет ко мне весьма красноречивый интерес. Что меня беспрельдно смущает. Я не готова к отношениям с мальчиком, даже к самым невинным. В этом с Лизой мы полные противоположности – она с легкостью кокетничает, заигрывает с мальчишками, несмотря на то, что у нее есть Матвей. Лиса – яркая, рыжая, броская, самоуверенная. Я иногда поражаюсь себе, с чего вообще я решила вступить за такую сильную девушку в свой первый день в школе? Ей же все нипочем, и уж помощь от такой пигалицы, как я, точно не нужна. Но это положило начало очень крепкой дружбе. Сейчас наша компания включает в себя уже шесть человек, но все равно

с Лисой отношения особенные.

Лиза часто подшучивает надо мной, а изредка отчитывает за излишнюю замкнутость в общении с парнями. К Пете и Ване я немного привыкла и все же чувствую себя в их присутствии скованно. Особенно с Иваном, который взял за правило провожать меня каждый день до остановки. Со временем даже рюкзак свой ему нести позволила. Но он мне ни капельки не нравится как парень. Сердце не стучит быстрее в его присутствии.

Откуда я знаю, как должно стучать сердце рядом с особенным человеком?

У меня нет ответа на этот вопрос. Но есть одно неприятное, колющее замечание, которое всплывает в голове помимо воли:

«Рядом с Бурмистровым мой сердечный ритм просто зашкаливает»

Но я гоню от себя эту странную, глупую мысль.

* * *

Осенние каникулы я провела в одиночестве в доме бабули. Отец устроился на работу в редакцию местной газеты, теперь пропадает там допоздна. Бабушке тоже не сидится дома. Лису мама отправила к родственникам бывшего мужа, в соседний город. Маша и Таня тоже уехали. Кажется, весь наш класс решил провести каникулы вне родных стен,

всю последнюю неделю четверти народ на каждой перемене оживленно обсуждал свои планы. Принц с Ведьмой собрались в Испанию. Об этом шептались девчонки в туалете. Не то чтобы мне было дело до них... Но как-то сразу задышалось легче при мысли, что город останется без этих персон. Можно свободно бродить по улицам, торговым центрам, без страха встретить своих врагов. Вот только гулять, увы, не с кем. Правда, я немного лукавлю – Ваня звонил мне ежедневно и звал в разные места – то в кафе, мороженого поесть, в кино или просто побродить по городу. Но я стеснялась и придумывала причины для отказа. Я уже не сомневалась в том, что скоро ко мне приклеится ярлык «странная». Я и сама чувствовала, что веду себя необычно, даже по-идиотски. Но ничего не могла поделать. Значит, надо принять себя такую, как есть. И радоваться, что, несмотря на это, я нашла друзей. Влилась, хоть не сразу, в коллектив школы. Оставалась лишь одна проблема, незаживающая рана. Вернуть кулон. Я собиралась с силами, ждала окончания каникул и возвращения Бурмистрова с заграничного курорта.

* * *

Полторы недели каникул пролетели быстро даже для меня. Я много читала, рисовала, занималась уроками, стараясь догнать и перегнать программу – в этой школе был сильный упор на технические науки, физику, математику, а я все-та-

ки больше гуманитарий. А еще – шила себе платье для ночного клуба. Идею подала мне Лиса, оказалось, в ее гардеробе для меня нет вечернего наряда. «Даже странно» – мои слова во время ревизии. Я уже понемногу привыкла, что дом Лавровых для меня и пещера Али-Бабы, и палочка-выручалочка. Но такие шмотки Настасья Михайловна считала излишними, и Лизе самой приходилось выкручиваться, копить на одежду для выхода в люди. Итак, мы все еще не оставляли надежды повернуть затею с клубом. Раньше я посещала не только кружок вязания, но и шитья, поэтому получилось у меня довольно неплохо. На чердаке, куда я прокралась, как лазутчик, в отсутствие бабушки (уверена, она бы мое любопытство не одобрила), я обнаружила склад самых разных вещей, в том числе – старую швейную машинку. Довольно странный экземпляр – чтобы шить, нужно двигать ногами нижнюю панель. Я не сразу вникла, как это делается, но времени для исследования вопроса было достаточно. Никто не мешал, бабушку спрашивать не хотелось, я вообще не собиралась признаваться, что проникла на чердак. Мы так и не сблизились с Анной Григорьевной. Она общалась со мной лишь по необходимости, чаще всего отчитывая за что-то. Короче говоря, ответ я поискала в интернете. Спрашивалась, и вскоре у меня лихо получалось. Ткань я тоже нашла на чердаке. Огромная коробка из-под стиральной машинки, забитая доверху атласом и парчой. Наверное, бабушка покупала эти яркие блестящие ткани для своих сцениче-

ских костюмов. Пришлось перебрать почти все, чтобы найти нечто не слишком тяжелое и броское. На верхнюю часть платья – тонкая шелковистая ткань телесного цвета с золотым налетом. К счастью, современная мода не может похвастаться идеальной точностью и выверенностью форм. Любое безумие способно попасть в тренд. Дырки на одежде, спущенные петли. Поэтому мое платье – довольно простой силуэт в зоне декольте, – в районе талии переходил в пышную юбку с рваными краями органзы и шелка, золотистыми и белыми, с подходящими аксессуарами могло сойти за вещь из бутика. Во всяком случае, я похожую модель в журнале увидела. И скопировала все детали с максимальным усердием.

Лисе мое платье ужасно понравилось. Она вернулась домой за два дня до начала второй четверти. Но с ночевкой к подруге бабушка меня снова не отпустила.

* * *

В понедельник Лиза на уроке алгебры захлеб рассказывала мне о своем первом поцелуе с Матвеем. Мне было неловко, в таких подробностях и красках подруга все описывала. Оставалось лишь молча слушать, краснеть и вздыхать. На большой перемене я, как обычно, игнорировала столовую. Пристроилась в дальнем углу холла на третьем этаже, на мягком диванчике возле кабинета немецкого языка. Наскоро проглотила бутерброд, запила чаем из маленького

термоса. Блаженно прикрыла глаза – не выпалась, хоть бы пару минут подремать...

Неожиданно кто-то сзади хватается меня за косу. Очень крепко – так, что пошевелиться не могу. Паника накрывает волной. Я будто пришпилена к спинке дивана. Нет, руки-ноги свободны. Но что толку размахивать ими, если головой пошевелить не могу? Да и шок так силен, что все тело будто парализует. Я могу лишь беспомощно пялиться в потолок. Говорить тоже не могу. Полная прострация. Меня колотит. Но я догадываюсь, кто решил поиграть со мной в такую жестокую игру. Два варианта – Барби или Принц. И я отчаянно молю, чтобы это была Ника. Отчего-то меня не так ранят ее нападки, я испытываю нечто сродни жалости к этому красивому существу с полным отсутствием мозгов. А вот парень ее меня пугает. Мне не по себе от одного только взгляда – смущаюсь, краснею, начинаю гореть... И мне ужасно не нравится подобная реакция. Никогда раньше не замечала за собой таких сильных, неконтролируемых эмоций...

Наверное, меня держали всего лишь минуту. Но она показалась мне вечностью. Наконец косу отпустили. Не оглядываясь, бегу к лестнице. Мне не надо оборачиваться, чтобы посмотреть на нападавшего. Я узнала его по запаху дорогой туалетной воды. Запах моря, свежести с терпкими нотками бергамота.

Я ненавижу тебя, Артур. С этого момента еще сильнее, отчаяннее. Всегда презирала бессмысленную жестокость, лю-

бую. А ты – именно такой. Беспощадный от скуки. Равнодушный, холодный. Пустой и ничтожный.

* * *

– Просто урод этот Бурмистров, – восклицает Лиса.

Мы сидим в женском туалете на первом этаже. Я, конечно, долго редела в кабинке, никак успокоиться не могла. Пропустили два урока – физику и русский. Плевать. Точнее, три – литературы все еще нет, не могут найти учителя. Это в такой-то крутой школе? Что тут у них за порядки? Да сюда любой препод с радостью пойдет. Не понимаю...

Впрочем, расстраиваться по поводу литературы не собираюсь, хоть это, можно сказать, мой любимый предмет – с раннего детства обожаю читать. Но для расстройств и без того причин куча. Итак, Артур не планирует отступать. Что он хотел показать своим мерзким поступком возле кабинета немецкого? Что всегда рядом, на шаг позади меня, темная тень, преследующая, опасная? Хочет, чтобы у меня нервный тик начался от ежеминутного ожидания нападения? Я и так уже вторую неделю всухомятку питаюсь. Приходится врать Настасье Михайловне про больной желудок и строгую диету. Она не верит, возмущается. Тем более что у Лисы я не отказываюсь ни от каких продуктов, бывая там ежедневно. Но мама Лисы слишком сильно устает на работе, еще и по дому куча дел. На вопросы сил не остается.

– Слушай, мы все-таки должны выбраться в «Бездну». Совсем рядом со школой клуб, классный. Мама поначалу не разрешала, ворчала, а теперь не боится меня отпускать. Там очень строгая охрана, потому что туда ходят в основном школьники и студенты. У мамы там подруга с работы подрабатывает. Уборщицей. Строгая тетка. Обещала маман присматривать за мной.

– И как? Следит, как вы с Матвеем целуетесь?

– Ой, да она сама с охранником мутит! Так что у нас с ней взаимовыгодное молчание! Я про нее все знаю – муж у тетки имеется, весьма строгий. Работает у нас в школе завхозом.

– Как все запутанно, – хихикаю я. – Везде любовь-морковь. Даром что не весна, а зима скоро.

– Ага. Все вокруг цветет и пахнет. Только тебе, бедняжке, моральный дебил достался.

– Моральный урод, так говорят...

– Уродом не могу назвать, уж прости, никак. Артур – красавчик, каких поискать.

– Давай не будем про него.

Почему-то не смогла я Лисе о случае на третьем этаже рассказать. Сказала просто – опять встретила, опять хамил и угрожал. Остальное, видимо, на лице было написано, снова опухшем и зареванном. Лиза не стала требовать подробностей. А мне стоило подумать об этом снова – комок появлялся в горле. Что-то слишком личное, интимное было для меня в этой истории. Артур коснулся меня, моих волос, будто

в плен забрал. Я ненавидела его за это отчаянно, неистово. И не могла объяснить, почему именно этот поступок, наедине, без свидетелей, так ранил меня.

Но как бы я ни намеревалась избегать Бурмистрова, оставался кулон. Я тряслась при мысли, что эта сволочь выбрала дорогой моему сердцу амулет. Что мне тогда делать? Чем больше проходит времени, тем меньше шансов вернуть мотылька. Артур может просто потерять, запомнить, куда дел.

Поэтому в среду, немного придя в себя, я была преисполнена решимости снова поговорить со своим мучителем. Пригрозить в случае чего директором.

Высматриваю его – ну конечно, с Никой обнимается. Чем еще придурку заниматься?

Нет уж, к ним двоим точно не подойду. Попробую на большой перемене, в столовой.

* * *

Столовая. Я не заходила сюда с самых первых дней учебы. Переступаю порог и чувствую, как все дрожит внутри. Но я приказываю себе успокоиться. Хватит трусливо прятаться по углам и убегать. Кто такой этот Артур? Всего лишь выскочка, который пользуется своей смазливой внешностью и состоятельными, успешными родителями. Кем бы он был без этого? Да никем. Даже Ника не взглянула бы на него, не будь

он таким... Красивым? Так, стоп, Василина! Ты пришла сюда не для того, чтобы внешность этого козла описывать. У тебя есть конкретная цель, вот и сосредоточься. Твердой поступью подхожу к столику, за которым сидят Артур и еще трое парней.

– Надо поговорить, – заявляю нагло.

Принц лишь усмехается. Внимательно, нарочито медленно рассматривает меня – я смущенно переминаюсь с ноги на ногу, в голове вертится идиотская мысль – надо было умудриться напялить сегодня старые потертые балетки. Черт, я ведь плюю на такие вещи, тогда почему мне стыдно? Я вовсе не нищенка, а уж Анна Григорьевна расщедрилась перед началом учебного года на довольно приличный гардероб. Вот только туфли для сменной обуви на толстом сантиметровом каблуке – не по мне. Вот и таскаю старые – в них ноги не устают, удобно и комфортно. Но сейчас ненавижу себя за то, что не подумала об этом. Могла бы попримечнее одеться. И дело совсем не в том, что мне важно произвести впечатление на этого твердолобого кретина! Просто... одежда – тоже своего рода защита. Да и замарашкой выглядеть не хочется.

– Давай, валяй, Дусманис. Чего придумала? Нам с парнями как раз скучно.

– Наедине можем поговорить? Или ты без друзей за спиной не чувствуешь себя комфортно?

– О, мне комфортно везде и всегда. А вот ты как решилась из своей норки выползти?

- Ради того, что тебе дорого, еще и не на такое пойдешь.
- Так ты все про цацку свою? Не оригинально.
- А ты чего ожидал?

– Ладно, парни. Оставьте меня наедине с этой камикадзе.

Ребята нехотя встают из-за стола, видно, что жаждут досмотреть представление до конца. А я облегченно вздыхаю. Еще пара фраз, и я бы убежала. Ноги почти не держат, сажусь за стол на освободившееся место напротив Артура.

– Почему тебе так дорог кулон с изображением моли? Это, право слово, странно, – недоумевает Артур.

– Это мотылек. Его сделал папа. Символ нашей семьи. Пожалуйста, верни мне кулон. Это память о моей маме. Она умерла. Даже у такого, как ты, должно быть хоть подобие человечности.

– Какого? Какой я, по-твоему?

– Я сейчас не об этом.

– А я – так вот очень хочу узнать. Что ты возомнила о себе? Хамишь мне, моей девушке. Уверена, что не пожалеешь?

– Уже жалею! Но я не хотела, пойми! Вы сами начали нападать, я же – только защищалась. Если вернешь кулон – клянусь, даже близко не подойду. Хочешь, буду Нике домашку по русскому делать? Целый год? Она в русском языке еле плавает. Был тут у нас совместный урок с ее классом, так прямо жаль ее было...

– Да ну подумайте, какая щедрость! – ухмыляется Принц. – Ну, Ника, дело десятое. А что, если мне портфель

будешь носить, до машины, каждый день?

– Портфель? А он есть у тебя?

Представила Принца со школьным ранцем, и отчего-то захотелось хихикнуть. Презабавная нарисовалась картинка.

– Нет, нету. Но я куплю ради такого случая.

– Прости, но я не могу носить за тобой портфель, – при-
творно вздыхаю, делая вид, что мне очень жаль отказываться
от столь щедрого предложения. – Боюсь, твоя девушка меня
в этом случае съест. Давай что-нибудь еще придумаем?

– А давай, – вальяжно откидывается на стул Принц. – Я
сегодня отчего-то добрый. Станцуешь для меня стриптиз?
Вот прямо сейчас, на этом столе? Даже трусы разрешаю оста-
вить, только сиськи покажешь...

Вот ведь урод! Вскакиваю, пунцовая, из-за стола, испепе-
ляя взглядом Артура, мечтая стереть идиотскую ухмылоч-
ку с порочного лица! Извращенец недоделанный! Девушка
есть, а он все грязные намеки на раздевание никак не оста-
вит! Нет, правда, до какой же степени больным надо быть!
Я не могу мыслить здраво, ярость застилает все. Кажется, у
меня проблемы с управлением гневом. Но об этом я тоже по-
думаю позже. И очень сильно пожалею. Буду корить и нена-
видеть себя больше, чем Принца. Хотя не знаю, как такое
возможно. Мое презрение к нему беспредельно. Поэтому я
хватаю со стола стакан с недопитым компотом. И выплески-
ваю прямо в улыбающуюся нахальную рожу.

Глава 7

Помимо того, что ангина помогла мне получить передышку и собраться с силами, она пригодилась и еще в одном деле – откосить от уроков физкультуры, хотя бы на какое-то время. Не то чтобы я не любила спорт, наоборот, особенно гимнастику. Я быстро бегала и хорошо прыгала в длину. Вот только плавать я не умела. А в этой школе, как оказалось, огромный шикарный бассейн. Обязательная программа: для девочек еженедельно аква аэробика, для мальчиков – водный волейбол.

Я пока не решила, что делать. Мы эту проблему всесторонне обмозговали с Лизой, подружка даже предложила заниматься со мной вечерами. У Настасьи Михайловны дружеские отношения с учителем физкультуры, она могла попросить за меня, разрешить нам посещать бассейн после уроков. Хорошо бы, а то денег на частные уроки плавания у нас с папой точно нет – мы все еще расплачиваемся по кредитам, оставшимся от прошлой жизни в родном городе.

Но пока мне не приходилось беспокоиться о занятиях плаванием. Я отдала справку об освобождении очень симпатичной молодой учительнице, которая занималась с девочками в отдельном зале, и два урока в неделю просиживала на скамейке, наблюдая за подружками. Мальчики тренировались в другом зале.

Очень хотелось размяться вместе со всеми, но, если я начинала двигаться, разогреваться, неизменно душил кашель.

В дальнейшем я собиралась попросить отца написать заявление с просьбой освободить меня от сих занятий, так как я не умела плавать. Смущало то, что во всей школе я такая одна. Не считая первоклашек, которые начинали с азов в лягушатнике – совсем небольшом резервуаре с водой. Мне, наверное, по колено. Будучи на одном уровне с ними, я совершенно не намеревалась начинать занятия с мелюзгой. Представляю, какую кучу насмешек это бы породило.

Захожу в огромное стеклянное помещение. Была здесь всего лишь один раз – в тот день, когда мы с бабушкой приехали оформляться, и нам устроили экскурсию. Но тогда я мало что рассмотрела. Очень светло и просторно – стекла от пола до потолка, пять длинных дорожек, высокие трибуны для болельщиков... Я такого большого бассейна в жизни не видела. Переминаюсь с ноги на ногу возле двери в кабинет в ожидании учителя, чтобы отдать ему справку, но не могу смотреть в стену, поэтому пялюсь на группу парней в воде, играющих в волейбол. Конечно же, Бурмистров среди них... от его грации и пластики невозможно отвести взгляд. Мне стыдно, ненавижу себя, ненавижу его... но не могу оторвать глаз от покрытого золотистым загаром, гибкого, мощного тела. Идеальные пропорции, ни грамма жира. Я залипла на этой картинке, не думая, как выгляжу со стороны. Не обращая внимания на окружающих, забыв о том, зачем сюда

пришла. Конечно, я не могла за это не поплатиться.

Чувствую толчок в спину и в следующую минуту лечу в воду. Барахтаюсь, захлебываюсь, меня захлестывает дичайшая паника. Никогда мне не было настолько страшно. Все тело буквально сковывает ужас. Но тут же чьи-то сильные руки подхватывают меня, не давая пойти ко дну. Вцепляюсь в шею своего спасителя. Едва дышу, едкой воды с хлоркой наглоталась так, что наизнанку выворачивает. Меня, как куклу, вытаскивают из бассейна и кладут на холодную плитку. Ощущаю все это словно со стороны, не могу пошевелиться, легкие горят. Я проваливаюсь в черную дыру, пытаюсь вернуться, открыть глаза – но не получается. Я будто все еще тону, хотя чувствую, что уже не в воде.

Чьи-то губы касаются моих губ, и в меня врывается чужое дыхание с запахом ментола. Сильные руки давят на грудную клетку, догадываюсь, что мне делают вентиляцию легких! Распахиваю глаза и встречаюсь взглядом с Принцем. Закашливаюсь, отталкиваю его, принимаю сидячее положение, отодвигаюсь подальше от него и съеживаюсь. Обхватываю себя руками и дрожу. Мокрая, как выдра. Волосы облепили лицо. Белая рубашка – тело, не оставляя простора воображению. Стыдно-то как. Почему, ну почему меня должен был спасти именно он?!

Подбегает учитель.

– Что случилось, Дусманис? Почему ты в мокрой одежде?

– Она в бассейн упала, – объясняет Артур. – Кажется, пла-

вать совершенно не умеет. Или испугалась?

– Н-не ум-мею. – Мои зубы стучат, мне нестерпимо стыдно, и хочется поскорее сбежать.

– Так, ну и чего рассиживаемся на полу? Медсестру позвали? – спрашивает учитель.

– Мне как-то не до того было, я ей искусственное дыхание делал.

– Хорошо, молодец, Бурмистров! Пятерку заслужил. Эй, Мальков! – кричит кому-то. – Сгоняй за Софьей Викторовной, быренько! Так, а ты, Бурмистров, девочку – на руки и тащи ко мне в кабинет. Высушим ее, а то заболееет.

Я открываю рот, чтобы сказать – своими ногами пойду, еще вот объятий Бурмистрова мне не хватает. Но меня прерывает голос Ники, невесть откуда взявшейся здесь. Впрочем, кажется, она всегда за Принцем хвостиком ходит.

– Почему Артур должен эту мышь тащить? Вон пусть Пашка несет! Паш, давай сюда, – машет она парню на другом конце бассейна.

Бурмистров вздыхает, но ничего не отвечает своей девушке – наклоняется ко мне, берет за талию, подхватывает легко, словно пушинку, и поднимает в воздух. Я не знаю, куда деть руки. Не обнимать же его за шею, как обычно в таких случаях делают! Чувствую ужасное смущение, головокружение и страх. Принц, продолжая держать меня всего одной рукой, другой захватывает мои ладони в плен и принудительно кладет себе на плечи.

– Держись, Мотылек. А то уроню.

От напоминания о связавшем нас мамином кулоне, который он так и не отдал, в глазах начинает щипать. Вцепляюсь в сильные плечи, сжимаю их изо всех сил, желая причинить боль своему мучителю. Но он как будто и не замечает моего прикосновения. Впрочем, я не вижу его лица, от смущения не могу поднять на него взгляд. Вместо этого оглядываюсь по сторонам и встречаюсь глазами с Соболевой. В ее взгляде горит ненависть. Обещание войны, неминуемой кары. Внутренне съеживаюсь. Да почему мне не везет-то так? Ника как раз в последнее время охладела ко мне. С момента разговора с Артуром возле шкафчиков больше ни разу не подошла. Я даже зауважала ее. Подумала, что она это из женской солидарности, поняла наконец, как ужасен ее парень. Но сейчас вижу в ее взгляде обещание – она этого так не оставит. И что-то еще. Бешенство? Ревность? Да ну нет. Как королева школы, роскошная блондинка, может ревновать к серой неприметной мышке? Меня заметили лишь из-за того что неуклюже упала на Барби. Потом меня начал преследовать Принц. Но слава и известность – не по мне. Меня устраивает моя неприметность. И уж точно я не претендую на Принца, я его ненавижу! И даже то, что сейчас он фактически спас меня... нисколько не смягчает моего отношения. Он просто пятерку зарабатывал. Наверняка плавает лучше всех и бросился бы к любому. Увы, это снова оказалась я...

В кабинете Принц осторожно сажает меня на стул. Учите-

ля кто-то отвлек, и мы здесь одни. Мне неловко, судорожно пытаюсь расправить на коленях мокрую насквозь юбку.

– Похоже, мне все-таки суждено увидеть тебя голой, – усмехается Артур, наблюдая за моими действиями.

Но сейчас мне даже на эти слова наплевать. Молчу, игнорирую несносного хама.

– И вообще, Дусманис, все по-честному. В прошлый раз ты меня облила компотом – считай, сегодня пришло возмездие.

– В виде кого, интересно?

– Ты о чем?

– Думаешь, я сама в воду прыгнула? Меня кто-то в спину толкнул.

– Чушь. Ты просто неуклюжая.

– Плевать, думай как хочешь!

– Подозреваешь кого-то, Дусманис? Ну, главный твой враг – я. Но я в бассейне был. Алиби имеется.

– Да, это странно. Я сразу на тебя подумала.

– Ты же пялилась на меня, когда я в волейбол играл!

– С чего ты взял? Что на тебя? Да, игру я видела... Но тебя – нет.

– Врушка!

– Самовлюбленный Принц!

– Так, что тут у нас за разборки влюбленных? – строго прерывает нас учитель. – Проходите, Софья Викторовна. Вот наша Русалочка, угораздило же...

Медсестра направляется ко мне.

— Ну а вам, мужчины, придется выйти, — заявляет она безапелляционно.

Артур нехотя выходит, подталкиваемый в спину учителем.

— Давай-давай, Бурмистров, а то прям как приклеился к девочке.

* * *

— Слушай, нет, ну это прикол! — верещит Лиса. — Вся школа гудит, что Бурмистров тебе искусственное дыхание делал! Это же, можно сказать, все равно что поцелуй! С Принцем! Соболева в бешенстве, рвет и мечет у себя в классе. Визжит, требуя, чтобы все заткнулись и прекратили вас обсуждать!

— Ужас! — вздыхаю я. Стараюсь выглядеть спокойной, но чувствую, как краска начинает заливать щеки. Я тоже подумала об этом. Да что там, с момента, когда губы Принца коснулись моих губ, я сама не своя. Меня колотит, в ушах шумит, а в животе... в нем словно мотыльки порхают, щеко-чут своими крылышками, шепчут, предупреждая: только не влюбляйся. Вот такой вот первый поцелуй, лежа на кафельной плитке бассейна, на глазах у кучи народа. Хотя, какое там! Прекрати фантазировать, дурочка. Он делал необходимые в таких случаях манипуляции. А то, что ваши губы соприкоснулись, всего лишь побочное действие!

– Меня когда учитель вызвал и сказал, чтобы одежду сухую принесла для Дусманис, мне аж поплохело, – продолжает причитать Лиза. – Что, думаю, Бурмистров снова отчудил! Допрыгается. Нет, точно! Найдем управу на придурка.

– Он не виноват, – вздыхаю устало.

– Как это?

– Когда я свалилась в воду, он был в бассейне. В волейбол играл. Так что он тут, можно сказать, герой. Спас меня, из воды вытащил. Я теперь его должница. – Эта фраза режет слух. Принц – спаситель?

– Ого! Ну надо же! Бурмистров силен, мужик!

– Другой вопрос, кто толкнул меня туда.

– Уверена, что не сама споткнулась?

– Не настолько я неуклюжая!

– Подозреваешь кого-нибудь?

– Не знаю... – Мнусь, не решаясь произнести догадку вслух. – Но это между нами, доказательств у меня нет...

– Не томи!

– Там Вероника Соболева была... Хотя зачем ей меня в воду толкать? Она последнее время на меня никакого внимания не обращала.

– Это потому что ей Принц запретил!

– Как это? – раскрываю от удивления рот.

– А вот так! Торопова их разговор в столовой подслушала. Неподалеку сидела. Бурмистров телку свою очень жестко отчитывал. За то, что подставила его, рассказала о мон-

стре, который в результате мелкой пигалицей оказался. Велел, чтобы больше Ведьма даже носом в твою сторону не велла! Так сказал, Танька аж сама испариной холодной покрылась. Вот Соболева и не смотрела на тебя. По ЕГО приказу. Тут все он решает, разве ты не поняла еще?

– Бред... А почему Танька сразу не рассказала?

– Так ее вчера после столовой с уроков мать отпросила, к стоматологу. А сегодня вот, сразу ко мне с новостью прибежала. А ты уже снова на первой полосе школьного вестника. Происшествия нон-стоп. Знаешь, я с тобой даже в клуб уже идти побаиваюсь...

– Думаешь, там Бурмистров окажется? – спрашиваю взволнованно.

– Вполне возможно... Я пару раз видела его там, и Ведьму тоже. Но ты не бойсь, мы же с Матвеем пойдем! Он, кстати, сестрицу свою тоже как следует отчитал. Больше лезть не будет.

– При тебе прямо?

– Нет. Но он рассказал мне это в красках. Да и видно сразу, Соболева в мою сторону даже не смотрит. Прищемили хвост по всем фронтам! А еще ходят слухи, что Принц охладил к ней. Все больше динамит. С собой в качалку не берет, а раньше – обязательно.

– Ну ты кладезь новостей!

– А то!

– Но мне неинтересно. Век бы ни его, ни Барби не видеть.

– А мне кажется, он к тебе равнодушен.

– Бред.

– Все возможно.

– Нет, никогда и ни за что! Лиза, пожалуйста, давай больше не поднимать эту тему! – умоляю я хихикающую подругу.

Ей смешно, а мне – вот ни капельки! Я уже поняла, что сплетни в этой школе разносятся мгновенно. И если Артур узнает, что я обсуждаю его личную жизнь, или, тем более, допускаю пусть даже самую незначительную вероятность наших с ним отношений... Тогда мне точно кранты. Этого, думаю, Принц не простит. Самовлюбленный красавчик с репутацией ловеласа. Серая мышь может здорово эту самую репутацию подмочить...

Интересно, почему он вдруг решил заступиться за меня перед Никой? Что все это значит? Или подумал, что я только его игрушка и больше ничья? Что за странные игры? Почему мы постоянно пересекаемся друг с другом? Как же это невыносимо!

Глава 8

Новую учительницу по литературе весь класс ждал с трепетом. По одной лишь причине – прошел слух, что это старшая сестра Артура Бурмистрова. Мне было нехорошо при мысли об этом. Не знаю, почему у меня были дурные предчувствия. Столько стычек с Артуром, от каждой – маленький шрам на сердце. То ли сердце у меня слишком нежное, возвращенное на романтической литературе – Александр Дюма, Шарлотта Бронте, Джейн Остин, то ли я, как лабораторная мышь, выработала рефлекс на фамилию Бурмистров. Новую учительницу своего любимого предмета я готовилась встретить без какого-либо энтузиазма, чувствуя лишь апатию. Но стоило Таисии Александровне появиться в дверях класса, безразличие смыло бурным потоком эмоций. Она притягивала взгляд. Яркая, необычная. Отчего-то в голову пришло сравнение с Мэри Поппинс, может, виной тому прозрачный зонтик, который она держала в руке. Темные очки. Белоснежные волосы. Прямое каре до плеч. Строгий пиджак, узкая юбка-карандаш, высокие сапоги – все идеально подобрано по оттенкам. Стильный образ, ну просто сошедшая с глянцевого журнала модель.

– Доброе утро, дорогие ученики! – гремит на весь класс хорошо поставленный высокий голос. – Заждались, поди, литературу? Ну, отлично. Начнем со знакомства. Меня зовут

Таисия Александровна Бурмистрова. Ненавижу отчества, но увы, в этом бюрократическом заведении так принято. Как я понимаю, моего предмета у вас не было с начала года. Много пропустили, значит, возьмемся как следует, плотно. На завтра у вас задание – «Гранатовый браслет» Куприна. Прочитать, составить устное мнение. В пятницу принести сочинения. За списком тем подойдете после звонка. А сейчас откроем учебники на странице сорок и начнем по очереди чтение стихов замечательной поэтессы Анны Ахматовой.

* * *

«Гранатовый браслет» я читала несколько раз, поэтому могла не переживать об оценке. Рассказала Лизе краткое содержание, потому что подруге некогда тратить время на литературу – она снова собирается на свидание. Уроки закончились, сидим дома у Лисы, она вывернула содержимое шкафа на кровать и ломает голову над сегодняшним образом. Кем стать на вечер – леди Вамп или Белоснежкой? А я пытаюсь одновременно наряды комментировать и домашку по математике за подругу делать. Тихонько вздыхаю про себя. Интересно, буду ли я когда-нибудь так же готовиться к встрече с парнем? Даже представить это крайне волнительно. А если это когда-нибудь станет явью? Да я с ума от переживаний сойду!

Литература у нас теперь по расписанию почти каждый день – нагоняем пропущенное. Таисия Александровна – строгий учитель. Но, кажется, в этот раз мне хоть в чем-то повезло – я стала ее любимицей. Она очень хвалила мое сочинение по Куприну. И за стихи Маяковского наизусть. Сейчас мы проходим «Мастера и Маргариту». Это запредельно интересное, потрясающее воображение произведение. В котором сплелось буквально все – и огромная любовь, и религия, и потустороннее, мистика, быт... Очень нравятся разборы глав каждый урок. Я записалась на дополнительные занятия по литературе. Разговоры с Таисией – так она разрешает называть себя вне обязательных занятий – моя отдушина. С ней можно не стесняться, и не чувствуешь, что ты странная. Таисия Александровна сама немного не от мира сего. Очень необычная, постоянно размышляющая, анализирующая. От нее я почерпнула множество интересных вещей. Целый список книг, о которых не имела понятия – в нашей старой квартире в основном были классика и детективы. Но и эту скромную библиотеку пришлось оставить новым жильцам при переезде...

С появлением Бурмистровой ее младший брат заметно поутих и больше не доставал меня. Если встречались в коридоре, он лишь смотрел хмуро, но, не говоря ни слова, про-

ходил мимо. Я радовалась такому равнодушию. Это можно было бы считать победой... если б не кулон, который Артур так и не отдал. Иногда я плакала перед сном, уверенная, что Принц потерял дорогую мне вещицу. И ненависть к нему крепла. Он-то небось не знает, что такое утрата близкого! У него большая, красивая, яркая семья! Все талантливы, очень любят друг друга... Ему не понять, как это больно, когда у тебя нет мамы...

Только что толку в моих слезах и ненависти. Поэтому я коплю силы для новой стычки. Обязательно подойду и снова поговорю о кулоне. Добьюсь своего во что бы то ни стало. Иногда посещают мысли действовать через Таисию. Рассказать ей обо всем. Но каждый раз, открывая рот, чтобы пожаловаться, осекаюсь. Это слишком трусливо. Все равно что наябедничать. А я отчего-то не хочу выглядеть ябедой перед Принцем. Сама не знаю, почему. Таисия бы мигом уладила ситуацию. Все в школе заметили, что Артур сестру слушается беспрекословно, и, кажется, даже немного побаивается.

Я не замедлила в этом убедиться на совместном уроке. Как только компания во главе с Бурмистровым зашла в наш класс, Принц направился ко мне. Оказалось, Его Высочество возжелал сидеть со мной, причем за задней партой. После случая с компотом прошел уже почти месяц. Поначалу я с трепетом ждала возмездия, потом мне надоело каждую минуту бояться, и наконец я и вовсе позабыла об инциденте. Увлеклась учебой и как-то даже не вспоминала о Принце.

Удачно получалось – мы не пересекались. Лиса сказала, чтобы я не парилась – за компот Артур мстить не станет. Для него это слишком мелко.

И вот сейчас, кажется, все началось заново! Этот козел буквально силой стаскивает меня с места. Лиза сегодня не пришла в школу – живот заболел. Скорее всего, причина в другом – Матвей. После уроков навещу подругу. А пока изо всех сил отбиваюсь от Принца. Ни за что не сяду с ним за заднюю парту, вот еще, придумал! Класс, замерев, наблюдает за нашей потасовкой, вступаться, разумеется, никто не планирует. В этот момент заходит Таисия.

– Бурмистров, почему не на своем месте? – холодно спрашивает она.

Может, они и не родственники? Нет, серьезно, ну ни капли не похожи! Разве что оба блондины. Но в остальном – никакого сходства!

– Извините, Таисия Александровна! – выпаливает Артур. Но меня из рук не выпускает. Вот ведь упертый, бесстыжий!

– Артур, ты меня слышал? – еще строже тон, но Принц, кажется, слишком возбужден нашей потасовкой и преисполнен решимости на своем настоять.

– Я быстро! Только вот Дусманис заберу. Она сегодня со мной сидит.

– Так, Артур, вон из класса, – этот голос уже буквально пронизывает холодом. Артур нехотя отпускает меня. С облегчением опускаюсь за парту. Я ужасно боялась, что силой

потащит, я ж для него как пушинка. Только цепкая хватка за край стола дала мне пару минут преимущества.

– Хорошо, раз гора не идет... – вздыхает Артур. Он и не думает выполнять требование Таисии!! Нахально плюхается рядом со мной на место Лизы. Ненавижу себя за слабость – мои глаза наполняются слезами. Не хочу сидеть рядом с ним! Ну почему, почему каждый раз, оказываясь рядом со мной, он все портит! Доводит меня до слез, унижает одним лишь своим присутствием! А я рядом с ним чувствую себя некрасивой, убогой, бесцветной. Как сорняк рядом с прекрасным цветком. О да, я ненавижу его, но я не слепая. Артур красив, настолько – аж смотреть больно. Даже если он абсолютно пустой, никчемный мерзавец и моральный урод. Но картинка – глаз не оторвать. Высокий, спортивный, белокурые локоны. Принц.

– Бурмистров, ты решил мне сделать сюрприз – урок сорвать? – возвращает меня из грез голос учительницы. – Думаешь, фамилия наша тебе какие-то привилегии дает?

– Конечно же нет, – притворно вздыхает Артур. – Но я вроде как уже ничего не нарушаю. И по теме готов ответить...

– Вот только я не готова тебя выслушать. Выйди из класса. За поведение два. И радуйся, что не идешь к директору.

Артур больше не спорит, но его щеки горят. Впрочем, у Таисии они горят не меньше. Да что у них такое, в семье нелады? Почему она так строга с ним? Интересно... Неуже-

ли не все гладко в королевстве? Как жаль, что именно сегодня Лисы нет! Славно было бы обсудить все это.

Да уж, Таисия умеет быть строгой, аж поджилки трясутся. Хотела бы я походить на нее, когда повзрослею. Но куда мне. Она – высокий белокурый гигант по сравнению со мной, мелкой пигалицей. В дальнейшем урок проходит спокойно. Ответив с места, снова ухожу в свои мысли, слушая новую тему вполуха.

После звонка народ быстро покидает класс – большая перемена, все торопятся в столовую. Я же, наоборот, вожусь с портфелем. Глупо, но мне не по себе. Переживаю, что Артур поджидает за углом, чтобы отомстить. В конце концов, начался сегодняшний конфликт именно с меня. Может, стоило покорно сесть с ним за заднюю парту? Ну не съел бы он меня, наверное...

– Василина, можешь задержаться на пару минут? – оставливает меня возле доски Таисия Александровна.

– Да, конечно.

– Садись, – кивает на первую парту. Устраивается напротив.

– Что там у тебя с Артуром? Достает?

– Нет, – отрицательно мотаю головой. – Ну, иногда, – добавляю, смутившись от ее скептического взгляда, говорившего «Ни капли тебе не верю»!

– Чего не поделили?

– Сама виновата. На его девушку упала... случайно.

– Пф! – фыркает Бурмистрова. – Девушек у этого остолопа мильен!

– Может, эта особенная?

– А о ком ты?

– Ника Соболева.

– А-а, эта выскочка. Вряд ли.

– В общем, ничего нет между мной и Артуром, вам показалось. Так, прикалывается иногда ваш брат... Ой, простите! Может, я ошибаюсь...

– Ясно. Нет, не ошибаешься. Артур – мой младший братик. Именно поэтому говорю с тобой. Если что выкинет – мне говори. Быстро на место поставлю, совсем малыш от рук отбился! Родители в отъезде, только через месяц вернутся. Я очень занята, за младшей нашей присматриваю, там не меньше возни. Вот Артур и почувал свободу.

Улыбаюсь про себя мысли, что такой здоровый лоб все еще подвергается «воспитанию» со стороны старшей сестры. Как-то легче на душе становится. И очень хочется рассказать про кулон. Но все равно не решаюсь. Не знаю, почему. Это только между нами. Очень личное. Сама забрать должна. Заставлю его, обязательно. Еще раз поговорю, а не выйдет – тогда расскажу все Таисии.

* * *

Спустя два дня я все еще коплю силы для разговора с Ар-

туром. На физике подлетаем с Лисой к своей парте – мы одни из первых забежали в класс. Хотим повторить задание, сегодня контрольная, а этот предмет дается мне с большим трудом.

На моем стуле лежит красивая коробочка, перевязанная красной лентой.

– Ого! Подарок от поклонника! – присвистывает Лиса. – Точняк, от Ваньки, парень по тебе уже высох весь!

– Зря он... – вздыхаю. Нет, ну никак не ответить мне на чувства Ивана. Не могу. Не мое...

Даже открывать коробочку не хочется.

– Чего ты! Открой!

– Зачем? Верну просто...

– Ну и дурында! Во-первых, это тебя ни к чему не обязывает. Во-вторых, посмотреть-то можно! Может, там записка! Может, не от Ваньки это...

– А от кого тогда? От Моржухина? – хихикаю я.

– Ты че? – цыкает на меня Лиза. – Танька услышит – космы повыдергает!

– Шучу же! Ну кто еще может оставить подарок на моем стуле... разве что стулом ошиблись.

Лиза выхватывает коробочку из моих рук, срывает ленту и красивую блестящую обертку. Распахивает коробку резким движением, и едва успеваю поймать выпорхнувший оттуда... кулон с мотыльком.

Глава 9

В понедельник школа встречает нас с Лизой огромной толпой в главном холле. Ученики возбуждены, что-то оживленно обсуждают. Возле стенда с объявлениями толпа – не пробиться. Подбегают Торопова и Анохина. Танька – кладезь информации, знает всегда и обо всем, обожает подслушивать.

Оказывается, весь сыр-бор из-за того, что завершились отделочные работы в пристройке к школе – новом актовом зале, по размерам – настоящий театр.

– Но главная новость не в этом! – восторженно щебечет Татьяна. – Бурмистрова ведь организовала театральный кружок, знаете?

– Конечно балда, Василина записалась туда! – прерывает Лиса. – Она ведь в любимчиках у Таисии – добавляет с гордостью.

– Я только пару раз была, – поправляю смущенно. – Потом бросила, времени на это нет. Да и Ника там, а мне ну совсем с ней в одном помещении находиться не улыбается.

– Ясно. – Кивает Торопова. – Так вот, Таисия решила организовать спектакль, обновить зал, так сказать. Опробовать.

– И что за спектакль? – спрашиваю с интересом. Это и правда волнующе! Как жаль, что у меня плохие отношения

с Никой и ее подружки тоже меня терпеть не могут. А ведь еще и Артур есть... Он вернул кулон, без всяких условий... Но означало ли это перемирие? Ничего не сказал, просто как подарок оставил на стуле. Поди пойми, в чем тут собака зарыта. Странный он... Может испугался Таисии?

– «Ромео и Джульетта»!!! – вырывает меня из размышлений ржание Лисы. – Оооо, это будет весело. Спорим, знаю кто уже место Джульетты забил? Соболева!

– Ника метит, однозначно, – поддакивает Торопова. – Ну ясный пень, первая красавица школы...

– Золотистые локоны, огромные глаза, – подхватывает Лиса. – ну и поржем мы, о-о, предвкушаю!! Она же просто деревянная, помню концерт в пятом классе!

– Не факт, что ее возьмут, – задумчиво продолжает рассуждать Таня. – Таисия в объявлении написала о кастинге. Любой может претендовать на роль Джульетты.

– Ну, тогда я в деле! – продолжает хохотать Лиса. – А чего? Разве я не хороша? – спрашивает, подбоченившись. – Эй, Васюш, пойдем на кастинг?

– На роль кормилицы – точнок подойдешь, – хмыкает Анохина.

– Ты можешь тоже, вполне! – не остается в долгу Лиза. У тебя не меньше моего грудь. Четвертый поди, размерчик?

– Третий! – обиженно уточняет Маша. – У тебя сиськи больше.

Вот так, кому Шекспир, а кому тема женской груди... Да

уж, сегодня и правда в школе бум, всем весело. А мне вот отчего-то грустно... Неужели завидую Нике? Хочу на сцену? Не замечала за собой таких порывов раньше... Но Таисия как будто разбудила во мне что-то... глубоко спрятанное, тайное. Далеко не красавица, ее внешность более всего подходила под определение «своеобразная». Но как же она притягивала, жесты, мимика – завораживали. Как было бы здорово репетировать вместе с ней, работать над образом...

Но я безжалостно давлю внутри себя эти глупые мечты.

– Что скажешь, Василин? Примем участие во всеобщем безумии? – толкает меня плечом Лиса.

– Ни за что, – качаю головой, улыбаясь. – Я попробовала уже и поняла, что театр – не мое.

На самом деле мне было больно бросать кружок. Я обожаю Таисию, мне так хорошо с ней! Но Ника – мое табу. Она конечно отстала, спасибо Артуру, или не знаю кому, возможно благоразумию, проснувшемуся в этих особах... Но взгляды Соболевой все равно полны ненависти и яда – аж не по себе становится. Поэтому, снова бросать вызов судьбе я не намеревалась.

– Вы плакат бы почитали, лентяйки, – ворчит Татьяна. – Там ведь все написано. Будет кастинг всяя школы. Сейчас заполняется лист заявок, вон Ленка из девятого «Б» сидит на стульчике. Всех вписывает. Выбирать на роль будет «Худсовет». Уж не знаю, что за монстр такой, но тоже, видать, с кружка народ. А может Таисия кого из актеров известных

пригласит? Она и не на такое способна, с ее то связями... Вот будет круто!

– Ну все, звонок, на урок пора, – призываю подруг оставить театральную тему.

И правда, к чему она? Будет спектакль, придем как зрители. А пока – смысл болтать? Нам все равно сия дорога не светит.

* * *

После урока литературы Таисия снова подзывает меня к себе. Просит задержаться.

– Василина, снова отличное сочинение! Ты умница. Такие взрослые мысли, рассуждения. Пять/пять, но даже этого мало.

– Спасибо, Таисия Александровна, – отвечаю смущенно. Как же приятно, когда тебя хвалят, вот так, от души! Еще и твои сокровенные мысли, которые ты впервые решилась выплеснуть на бумагу... Хочется расплакаться от счастья. Таисия стала мне буквально родной за один короткий месяц. Всегда готова помочь, выслушать... прийти на помощь любому ученику! Строгая, но справедливая. Вся школа обожает ее.

– Ты придешь на кастинг? – последний вопрос, брошенный будто невзначай мне вслед. Ошеломленно оборачиваюсь.

– Я? Даже не собираюсь...

– Почему? Не любишь Шекспира?

– Что вы! – краснею. – Конечно же это не так! Люблю...

Хотя «Ромео и Джульетту», признаюсь, не очень. Но что мне делать на кастинге?

– Как что? Участвовать. Показать себя, попробовать. Это же весело. Интересно. Даст дополнительные рекомендации в университет.

– Что мне показывать? – вздыхаю. – Я совершенно «не про это». Извините, Таисия Александровна.

– Дело твое, – пожимает плечами Бурмистрова. – Неволить не стану, хотя считаю ты бред несешь. Но комплименты делать не люблю и не особенно умею. Это не мой профиль. Я учу размышлениям, анализу. Ты отлично читаешь стихи. Шекспир из твоих уст звучал бы музыкой.

– Это очень приятно! Ваши слова окрыляют!

– Рада... Нужно беречь свои крылья, Василина. Никому не позволять сдерживать тебя. Загонять в рамки. Если ты захочешь – ты можешь все. Стать Джульеттой. Взлететь до небес. Получить золотую медаль, признание друзей...

– Какая из меня Джульетта! – фыркаю. – Когда есть белокурая Ника...

– Не обязательно играть главную роль, можно и в массовке блеснуть. Приходи.

– Нет, извините, спасибо!

– Как знаешь. Но ты расстроила меня. Совет – подумай

еще и подучи Шекспира. Что-то мне подсказывает, куколка, что ты и так знаешь некоторые отрывки.

* * *

Мистика или проницательность? Таисия в который раз удивила меня, ведь в точку попала – я знала несколько сцен из «Ромео и Джульетты» наизусть. Да, не самая моя любимая пьеса, уж больно конец печальный, но насколько же пронзительно красивая!! Я обожала монолог Джульетты:

О, куст цветов с таящейся змеей!

Дракон в обворожительном обличье!

Исчадье ада с ангельским лицом!

Поддельный голубь! Волк в овечьей шкуре!

Ничтожество с чертами божества!

Пустая видимость! Противоречье!

Святой и негодяй в одной плоти!

Чем занята природа в преисподней,

Когда она вселяет сатану

В такую покоряющую внешность?

Зачем негодный текст переплетен

Так хорошо? Откуда самозванец

В таком дворце?¹

Но толку моей любви к литературе и знания наизусть нетленных отрывков? Ни за что не осмелюсь претендовать на роль, даже в массовку не пойду. Разве я смогу? Под ненавидящим взглядом Ведьмы? Или насмешливым – Принца? Ни за что! Почему-то я не сомневалась, что они будут на кастинге в первых рядах.

* * *

Вторник, школа все еще гудит как разбуженный улей. Кастинг назначен на пятницу, после выходных объявление результатов. Лиса и Таня вписали свои имена в кастинг лист. Петя и Ваня тоже. Только мы с Машей как отщепенки старались держаться подальше от театрального безумия. До нового года осталось два месяца. Как раз перед новогодними

¹ Уильям Шекспир «Ромео и Джульетта»

каникулами – премьера. Все это ужасно интересно. Но мне о медали и поступлении думать надо! А в первую очередь – о плавании. Директор после моего падения в воду и счастливого спасения вызвал меня к себе. В кабинете уже был Артур, которого при мне долго хвалили и всячески восторгались его спортивными достижениями, быстрой реакцией, ну и так далее. Понятное дело, школу от скандала спас. Утони я или получи травму – сколько бумажной волокиты, возмущенных и испуганных родителей. А тут – все отлично. Бурмистров герой. А я... Мне директор заявил – или учусь плавать, или трояк по физкультуре испортит мне весь аттестат и мечту о золотой медали.

– Пусть Артур с тобой плаванием позанимается, – щедро предлагает в конце разговора директор.

– Ни за что! – гордо отказываюсь я. Он вообще с ума сошел, я в воде, в руках своего мучителя? Да лучше сразу пойти и утопиться. Артур лишь посмеивается, видя мое возмущение.

– Передумаешь, Мотылек, скажи.

Он больше не достает меня в школе, забыл обо мне, и это безмерно радует. Провоцировать изменение этой ситуации нашим совместным времяпровождением? Да ни за что! Я ж беда ходячая. Мало ли что выкину. И снова будут преследования. Странно что вообще отстал от меня Бурмистров. Не отомстил за компот. И за двойку по литературе. Отдал ку-

лон. Наскучила я ему видимо. Вот пусть так и остается!

* * *

В пятницу после уроков забегаем домой к Лизе, которая по-быстрому собирает кое-какие шмотки. У нас новый план: раз мне не позволяют ночевать у подруги – значит Лисеньш сама придет на ночевку ко мне. Конечно, бабушке это не понравится. Она и нас с отцом еле терпит. Но если Лиза что-то решила – ее не остановить. А тут еще и Матвей пропал, не звонил уже несколько дней. Расспрашиваю подругу, что произошло, может поссорились? Молчит, как воды в рот набрала. Грустит, переживает, я же вижу. Уговариваю Лису отбросить гордость и самой позвонить парню, все выяснить чтобы не страдать от неизвестности... Пусть горькую, да какую угодно, но правду. Все выяснить.

Эх, Мотылек, легко давать советы. Ты бы в такой ситуации наверняка тоже гордость включила.

Почему же Матвей не звонит? Да откуда мне знать. Я даже не знакома с парнем. И вообще в парнях не разбираюсь. Не мое это дело! Главное, я подругу должна поддержать, а для этого нужно попасть в ночной клуб. Бабушка все еще категорична, но мы с Лизой придумали план как поменять ситуацию.

Сегодня в доме такой шум-гам устроить, чтобы бабуля сама нас свалить попросит.

Настасья Михайловна наготовила нам с собой целую сумку вкусностей. Например, пирожки с мясом, от которых отец пришел в полный восторг, не уставал хвалить и ел с таким аппетитом – даже бабушка слюни пустила и попробовала угощение. Совместную ночевку мы объяснили подготовкой к пробным ЕГЭ. На это Anne Петровне ответить было нечего. А ночью шумели-гремели, на кухню бегали – то воды попить, то в окно посмотреть, вроде померещился кто. Довели бабушку. В субботу я наконец получила разрешение на ночевку у Лавровых. Нашей радости не было предела!

* * *

Субботний вечер. Занимаемся сборами в ночной клуб. Кхенд-мейд платью Лиса преподнесла мне подарок, от которого я аж подпрыгнула: морская звезда, усыпанная стразами, на длинной цепочке из мелких черных бусин. Очень броское украшение, никогда такие не носила и даже не представляла, что могу нацепить на себя такое.

– Оно великолепно! – обнимаю подругу. – Вряд ли решусь надеть его. Слишком ярко для меня...

Почему-то морская звезда напомнила мне о бассейне, в котором я чуть не утонула. Снова в голове всплывает красивое лицо Артура, его длинные непослушные локоны, от которых невозможно отвести взгляд. Да что же это такое-то? Не хочу о нем думать, прочь из моей головы, Бурмистров!

– Мне кажется, или это намек? – шутливо обращаюсь к Лизе. – Что я так и не научилась плавать?

– Типа того, – хмыкает Лиса. – Намек, что надо преодолевать свои страхи. Я и про воду, и про Бурмистрова.

– Давай только по очереди, умоляю.

Ну вот. Теперь и Лиза о нем вспомнила. Как уйти от этого имени? Как спрятаться от мыслей о нем?

– Конечно, как скажешь. Сегодня у нас по плану страх толпы. Ты должна быть неотразима и ослепительна, ок?

– Даже не знаю. Неотразима? Рядом со мной это слово звучит по меньшей мере странно. Я вряд ли смогу стать такой.

– Но ты уже такая, Вась. Правда, хватит Золушку из себя корчить.

– Уж лучше ее, чем Русалочку, – усмехаюсь криво.

– Да, это тебе точно не грозит, подруга. Но плаванием мы обязательно займемся. Мать с учителем поговорит, частные уроки и все такое.

– У меня нет денег.

– Да твоя бабка наряды как перчатки меняет. Вот уж кто звезда, хоть и не морская, мать ее за ногу.

– Мне не нужны ее деньги.

– А отец?

– У него долги.

– Ладно. Я копилку разобью. Разберемся.

– Нет, я так не могу!

– Слушай, мы договаривались что сестры. А значит делимся всем, что есть. Ну подумаешь, на норковый жилет я копила. Там еще и на половину этой норки не набралось. А плавание – обязательный предмет. Летом подработку найдем, отдашь.

– Серьезно? Ты летом работать собираешься?

– Ну норку я все-таки хочу, – бурчит Лиса.

Хохочем, обнимаемся, так и падаем на диван.

– Эй, Васюш, прическу испортишь! – возмущенно кричит Лиса.

Она сделала мне действительно обалденную укладку – локоны. Я редко распускаю волосы, в школе – никогда. Обычно заплетаю косу, или, если опаздываю – хвост. Сегодня же, Лиза заявила, что все будет по-другому. Накрутила меня, получилось очень красиво. Потом взялась за макияж. Я никогда прежде не красилась, разве что губы гигиенической помадой. Но Лиса если взялась за дело – ее не остановить. Я стала совершенно другой. Подхожу к зеркалу и не могу разглядеть отражение. На меня смотрит кукла с выразительными глазами, густо обведенными черным, огромными ресницами... пухлые алые губы... Это не я!

– Так я точно не пойду, – возмущенно кричу Лизе, убежавшей на кухню.

Стираю косметику с помощью тоника. Оставляю минимум, ресницы не трогаю, иначе смывать придется долго и

тщательно, лицо покраснеет – предупреждение Лисы. Может она просто хитрит? Сама тоже прилично так наштукатурилась. Наверное, в клуб по-другому и нельзя?

Когда с внешним видом приходим к золотой середине, после долгих споров, нахожу наконец смелость задать еще один вопрос:

– Что делать, если я ну просто совершенно не умею танцевать?

Лиса встает как вкопанная перед дверью.

– Что? Василин, ты меня сегодня с ума решила свести?

– Нет... Прости. Просто раньше как-то в голову не приходило...

– Не знаю, что тебе на это даже сказать! Перед самым выходом ошарашила! Слушай, я тебя не на бал зову. Там никто танцам не обучен. И я не училась. Слушаешь музыку. Двигаешь жопой. Ноги переставляешь. Ок? Охх, ну ты даешь, честное слово. Неужели никогда под музон не дрыгалась?

– Я не это имела в виду, – возражаю смущенно. – Дрыгалась, разумеется. Я думала, в клубах может свои какие движения, правила есть. Я ведь никогда не была в таких заведениях. Вдруг опозорю тебя?

– Чушь какая! Да плевать мне, как ты двигаешься. Главное, не пей лучше ничего. Ни от кого напитки не бери, даже безалкогольные – первое правило. Держись рядом. А дрыгаются там все как могут. Классно выглядишь, подруга. Куколка! Парни офигеют.

– Спасибо... мне так страшно.

– Норм! Это адреналин, перед тусовкой он полюбому, всегда есть. Меня тоже потряхивает. Привыкнешь.

Но у меня оставался еще один вопрос. Стою, переминаюсь с ноги на ногу. Обутая в туфли, которые бабуля купила в школу. Они конечно ничего... новые. Но черные, грубоватые и совершенно не подходят к платью. Что тут поделать... Лиза тоже опускает взгляд на мою обувь. Усмехается.

– Ладно, Золушка. Пришло время для сказки.

– Что? – переспрашиваю непонимающе.

– Пошли со мной.

Идем в комнату Настасьи Михайловны. Та читает книгу, лежа в кровати.

– Девочки? Ой, Васюша, какая ты красивая сегодня, – восклицает Лизина мама, увидев меня. Смущаюсь. Неужели и правда сегодня гусеница станет бабочкой? Но я не готова! Абсолютно нет... Гусеницей быть проще. Нет крыльев, которые так легко подпалить...

– Мам, дай подарок для Василины. Очень надо.

– Но насколько я помню день рождения через два месяца... – возражает Настасья Михайловна.

А я краснею. Они говорят так, будто нет меня, но я здесь, и все слышу. Эти двое приготовили мне подарок! Заранее!! Думали обо мне! На глаза наворачиваются слезы, но на ресницах все еще осталась тушь... А значит будет щипать.

– Так, Дусманис, только попробуй зареветь! – рявкает Ли-

са. – Нечего мокроту разводить, знаю тебя... только повод дай. Да и какой повод! Это приколы просто. Гуляли с маман по торговому центру и увидели их на распродаже. Красивушки – глаз не оторвать! Размер – твой. Был бы мой сорок первый, не видать тебе подарка, Вася, так и знай. Я обувь жуть как люблю, сама знаешь. А тут – твой кукольный тридцать шестой. Поэтому – огромная скидка. Вот и купили. Как приколы. Туфельки для Золушки... Хотели обыграть момент, романтично сделать...

– Ну а вышло как всегда, – мать завершает за дочерью тираду. – Васюш, ты не обижайся на Лизку. Грубовата она. Ничего сказать нормально не может. Открой, деточка.

Все еще ошеломленная и мало что понимающая открываю коробку и замираю. И правда туфли для Золушки! Серебрятся, переливаются. Аж глаза слепит.

– Давай, примеряй, – хмыкает Лиза. – Мы ждем. Хотим увидеть превращение в Принцессу.

– Она и так Принцесса! – восклицает Настасья Михайловна. – Какая красавица, глаз не отвести!

– Мам, прикинь, она сама это платье сшила, – с гордостью выпаливает Лиза.

– Потрясающе! Еще и рукодельница. И умненькая. – Как же тобой отец гордится, – вздыхает Настасья Михайловна. – Счастливцев.

– А ты значит несчастная, – ворчит Лиза, опускаясь к матери на постель.

– Ну что ты, Солнышко. Ты у меня тоже замечательная! – обнимает дочурку Настасья Михайловна.

Глава 10

Дома у Лисы все казалось проще, доброта и тепло этой семьи вселяли уверенность, что все получится и вечер выйдет замечательным, полным новых впечатлений и эмоций. Они столько раз называли меня красивой, Принцессой... что я почти поверила. Но возле клуба, мигающего яркой неоновой вывеской «Бездна» меня вдруг пробирает озноб и трясутся поджилки. Тем более чувствую – Лиза нервничает не меньше. Близкая встреча с Матвеем заставляет ее переживать – почему? Чувствую, что подруга что-то не договаривает. Но сейчас неподходящее время задавать вопросы. Стоим перед клубом, на входе – два охранника в черных костюмах – по виду настоящие громы. Вспоминаю, что в таких местах существует фэйс-контроль, легко ли будет пройти двум совсем еще соплячкам? Спрашиваю Лису, тихонечко шепнув ей на ухо:

– А нас точно пропустят?

Ожидаю ответ – разумеется, ведь Лиза всегда в себе уверена на все сто. Но на этот раз подруга неопределенно пожимает плечами.

– Значит, возможно и нет? – мой голос полон разочарования. Наверное, я и правда на какой-то миг поверила в сказку. И сейчас почувствовала себя так, будто моя карета превратилась в тыкву задолго до полночи.

– Я всегда с Матвеем проходила. Его тут все знают.

– И что делать будем? Ждать его возле входа?

– Не знаю!! – заметно нервничает Лиса. – Об этом я не подумала, извини!!

– Ладно, ничего, – успокаивающе сжимаю ее руку. Ну что толку давить на человека. Лиза не в себе из-за ссоры, или что там у них произошло. Теперь я поняла – она держалась до последнего, но перед клубом начали сдавать нервы. И мои хотелки свежévelупившейся принцессы надо засунуть по-дальше.

Но на улице прохладно, зубы начинают стучать от холода. Мы в легких платьицах, сверху я на себя накинула тонкий белый плащ, а Лиса – черную блестящую куртку из коззама. Еще немного и окончательно продрогнем. Не заболеть бы...

– Эй, девочки, чего внутрь не проходите? – кричит нам мужчина, который вот уже минут пятнадцать неподалеку, болтая по телефону и на нас глаза.

– Знакомых ждем, – коротко бросаю фразу в ответ, крепче стискивая руку Лизы.

– Замерзнете.

– А тебе то что? – грубо отвечает Лиса.

Мужчина не отвечая выбрасывает сигарету и направляется к нам.

– Да ничего, спросил просто. Зачем хамишь, красавица? Я же помочь хочу. В клуб не пускают что ли?

– Мы еще не пробовали... – начинаю оправдываться и

осекаюсь, увидев взгляд Лисы.

– Со мной запросто пройдете. Да не бойтесь, не съем. Мне может лет и поболее вашего, но поверьте, в сомнительных подкатах к дамам я не нуждаюсь. И так все отлично. Просто жаль стало, особенно ваши посиневшие носы. Пошли, красотки. Угощу коктейлем и разойдемся по разным сторонам.

Мужчине на вид не меньше сорока. Даже Лизе неловко, и что бы он там не говорил – все равно подозрительно. Но я вижу, как отчаянно переживает подруга. Ей необходимо попасть в клуб. Может Матвея там нет, а может с другой обжигается внутри сего помещения. Нужно выяснить. Незнание хуже всего.

– Хорошо, – киваю незнакомцу. – Но если что, учтите, у нас тут родственники работают. А еще, я кричать умею о-о-очень громко. Оглохнете.

– Меня Романом зовут, – кивает на мою тираду незнакомец. Можете не верить, но я тут завсегдатай – каждая собака знает. Так что не резон мне свои маньячные наклонности, о коих вы уже живописно нарисовали картину у себя в голове, проявлять тут. Но я восхищен вашей осмотрительностью, девочки.

– Я Василина. А это Лиза.

– Очень приятно. Заходим?

Роман на самом деле оказался интересным собеседником. И не обманул – женщины висли на нем буквально горстями. Не слукавил Рома и в том, что знакомых в клубе у него много. Кивал и здоровался буквально каждую секунду пока мы протискивались к бару. Правда от напитков мы все равно отказались.

А вот и Матвей. Я первая замечаю его белокурую голову, фотки неоднократно разглядывала вместе с Лисой на Фейсбуке. Красивый парень, интересный, яркий. Любитель мотоциклов, большая часть фото – на его роскошном железном коне. Толкаю Лизу локтем в бок. Мы сидим возле бара вот уже, наверное, с полчаса – Рома оставил нас и ушел танцевать, когда его пригласила какая-то девушка. До этого он пытался уломать на танец меня, но я так и не решилась. Наблюдаю за танцующими – кто-то двигается классно, так слаженно и отточено – глаз не оторвать. Кто-то наоборот, забавно, аж смех душит. Пожалуй, во мне уже не осталось смущения. На танцполе никому ни до кого нет дела. Люди просто сливаются с музыкой, как умеют. Отдыхают, расслабляются. И с каждой секундой во мне разгорается пожар. Я тоже хочу. Тело требует движений, хочет влиться в общий ритм. Расслабиться, раскрепоститься.

Но Матвей отвлекает меня от музыки. Подходит, заметив

Лису. Смотрю на лицо подруги и начинаю волноваться. Щеки алеют, руки смущенно теребят край платья.

– Привет, ты давно пришла? – как ни в чем не бывало спрашивает Матвей.

– Час назад. Это кстати моя лучшая подруга Василина. Давно хотела вас познакомиться.

– Очень приятно. – протягиваю руку для знакомства.

– Мне тоже, кивает Матвей. – Что будете пить, девочки?

– Ничего, – качает головой Лиса. – Хотя нет, возьми бутылку простой воды. Без газа.

– Мне то же самое, – пишу смущенно.

– Ясно, – хмыкает Матвей. – Хороший выбор, хоть и странный для клуба. – Пошли потанцуем, – берет Лису за руку. Словно ничего не произошло! Как будто не было нескольких дней без звонков, изводящего ожидания и неизвестности.

– Я поговорить хотела... – нерешительно переминается с ноги на ногу Лиса. Я ее такой никогда не видела! Даже после пощечины Соболевой.

– Хорошо. Потанцуем и поговорим, – Матвей целует подругу в щеку, и та, зардевшись безропотно следует за ним.

Остаюсь в одиночестве. Впрочем, какое там, вокруг толпа. Но меня никто не знает. Я невидимка, песчинка в пустыне. Потрясающее ощущение. Это раскрепощает. Хочется плыть по течению, кружиться в воздухе... отдаться мелодии без остатка. Из динамиков льются первые ноты любимой

песни, такой пронзительно красивой и нежной:

How Deep Is Your Love

I want you to breathe me in

Let me be your air

Let me roam your body freely

No inhibition, no fear²

Выдержка отказывает мне, не могу усидеть на месте. Ноги сами несут меня в толпу. Завороженная музыкой, я забываю обо всем. Чувствую себя невесомым, порхающим мотыльком на раскрашенном неоновыми всполохами танцполе. Кружусь, платье красивыми золотистыми волнами обвивает мое тело при каждом повороте. Наслаждаюсь песней, растворяюсь в мелодии, в словах о любви, без остатка.

«Как глубока твоя любовь? – грустным голосом вопрошает исполнитель. – Похожа ли на океан – бескрайний, бездонный? Насколько она сильна?»

Смотрю на диджея с дредами, пластичнодвигающегося в такт песне. Похоже, и его зацепила эта композиция. Простая, но такая проникновенная.

Бывает ли подобная любовь на самом деле? Что испытывает человек, который любит? Что сильнее при этом – боль, страх или счастье? Мне почему-то кажется, что все вместе.

Не замечаю, как ко мне пристраивается незнакомый парень, начинает танцевать все ближе и ближе, я стараюсь держать дистанцию, но он либо игнорирует мое нежелание, либо

² [Calvin Harris & Disciples](#)

не замечает, что вряд ли. Хочу уйти, мелодия почти закончилась, но тут руки незнакомца хватают меня за талию, поднимают высоко в воздух и начинают кружить... Это уже мне совсем не нравится. Вырываюсь, паникую. То же самое ощущение беспомощности, как тогда, возле кабинета немецкого.

Артур. Всегда и везде, при любой мысли он приходит мне в голову. Это очень, очень плохо. Не надо вспоминать, учись постоять за себя, Василина.

– Эй, отпустил девушку, – раздаётся рядом знакомый голос. Вскидываю голову. Артур Бурмистров собственной персоной. Хищный взгляд на прилипшего ко мне «танцора диско», и вот уже мои ноги касаются пола. Снова Принц пришел мне на выручку. Второй раз. Что бы это значило? Мой мучитель стал защитником? Или все-таки заглаживает вину, опасаясь, что старшей сестре пожалуюсь?

Принудивший меня к танцу парень решает, что овчинка, то бишь я, не стоит выделки. Буркнув извинения, растворяется в толпе. А я хмуро смотрю на спасителя. Ну вот кто его просил? Тоже мне, рыцарем заделался. Может, я сама в состоянии отшить нахала?

– Я вообще-то не просила помощи, – холодно кидаю Принцу, разворачиваясь спиной и направляюсь к тому месту, где меня оставили Лиса с Матвеем. Возможно, они уже поговорили и ждут меня там.

– Не думал тебя увидеть здесь, Мотылек. Каким ветром залетела? – Надо же, Принц идет за мной!

– Тебя забыла спросить, – фыркаю, слегка поворачивая голову назад. А в душе поражаюсь своей смелости – и как только духу хватило на столь дерзкий ответ? Или меня так сильно задела его слова? Намек на то, что невзрачные насекомые, как я, не ходят по клубам?

Ужасно хочется пить, но вода осталась у Лизы, моя сумочка слишком мала для бутылки. Это скорее даже малюсенький расшитый золотыми пайетками кошелек, в который влезает только телефон и немного денег. Подхожу к бару, заказываю бутылку простой воды без газа. Выпиваю залпом половину. Артур все еще рядом. Недоумеваю, почему.

– Да уж, умеешь удивлять. Странная ты, – задумчиво произносит Принц.

И вот что можно ответить на такое заявление? «Да, ты прав»? Или: «Знаешь, ты тоже»?

Подхожу к стульям в некотором отдалении от барной стойки, здесь мы расстались с Лизой. Никого нет. Все еще разговаривает с Матвеем? А мне что делать? Набираю ее номер, но абонент недоступен. Отключила, чтобы поговорить спокойно? Ох, Лиса! С каждой минутой нервничаю все сильнее. А тут еще и близость Артура, ну вот почему он так и стоит рядом, смотрит, разглядывает? Меня это раздражает. Я боюсь позабыть, что должна быть колючей и неприступной с ним. Язвить, отстаивать свою независимость. Это трудно. Долго не протяну. Может, пройти по клубу, поискать Лизу? Но с какой стороны начать?

Артур продолжает молча стоять рядом. С каждой минутой это все сильнее нервирует меня.

Оглядываюсь по сторонам, подумав о Соболевой. Наверняка она где-нибудь здесь, неподалеку. Увидит меня рядом со своим парнем – беды точно не миновать. Не то чтобы я боялась Нику – я уже не чувствую себя новенькой, да и поддержка друзей дает уверенность. И все же как-то не по себе. Понравилось бы мне, если б увидела своего парня с другой? Конечно же нет! Вот и не надо нам рядом стоять... ни к чему это.

Артур неожиданно протягивает руку, и притягивает к себе кулон, который Лиса сегодня подарила. Внимательно разглядывает. Хочу отстраниться, но боюсь, что цепочка порвется.

– Утром мотылек, ночью звезда морская? – хмыкает Бурмистров.

– Тебе то что? – отвечаю, но беззлобно. – Кстати, спасибо что вернул кулон. Он очень мне дорог. Но мне интересно, почему ты вдруг смилостивился?

– В смысле? – уточняет Принц удивленно.

– Какая причина такого великодушия? Твоя сестра?

– Не понимаю, что ты хочешь сказать, Дусманис, – хмурится Артур.

– Мне очень Таисия нравится. Замечательный преподаватель, никогда у меня такой учительницы по литературе не было. Я ничего не рассказывала ей о наших с тобой stycz-

ках... но она недавно сама начала меня расспрашивать. Помнишь, когда с урока тебя выгнала?

– А-а-а, ясно. Ты решила, что я старшей сеструхи испугался? – ухмыляется Артур.

– Как вариант.

– Ну, возможно ты права. Тайка может быть настоящей мегерой. Обожает поучать и воспитывать.

– Ясно. – Мне отчего-то грустно, словно другой ответ хотела получить. Какой?

«Я отдал кулон потому что ты мне нравишься»

Краснею, подумав об этом. Загоняю как можно глубже безумные мысли. Встряхиваю локонами.

– В любом случае, спасибо! Не ожидала, что ты умеешь признавать свои ошибки. Да и Ника тоже... Кстати, где она? – задаю вопрос хлопая ресницами, лишь бы скрыть охватившее меня смущение. Да и вспомнив о манерной Барби, поневоле начинаю копировать ее мимику. Слегка надую губы.

Наверное, смешно получается, потому что у Артура такое лицо... Уставился на меня и выглядит так, будто сейчас заржет. Смущаюсь и опускаю подбородок, теперь рассматриваю туфли, стараясь забыть про стоящего рядом парня. Туфли – чудо, переливаются серебристым светом, лучики светомузыки скользят по ним солнечными зайчиками, как и по ниспадающим «лепесткам» платья. Рядом с высоким широкоплечим Артуром чувствую себя Дюймовочкой. Это

и неудобно, и раздражающе, но в то же время я ощущаю себя невероятно хрупкой и женственной рядом с ним...

А вот это уже совсем плохие мысли, Василина. Бежать, и срочно. Пока окончательно не свихнулась от близости Принца, который тебе не светит. Да и не нужен.

Снова взгляд на обувь. Ее вид отчего-то успокаивает меня. Хм, странно, никогда не замечала в себе склонности к фетишизму.

«Если побегу от Принца – главное, не потерять туфельку, – мелькает в голове сумасшедшая мысль. Ты совсем с ума сошла, девочка! Помешалась на глупых сказках!

Нет. Я просто мыслю рационально, – продолжаю внутренний диалог с самой собой. – Во-первых, не прощу себе потерю столь шикарной вещи, которую я когда-либо имела в своем гардеробе, тем более подарок дорогих мне людей. А во-вторых... ни за что мне не нужен такой вот догоняющий Принц. Да и Бурмистров – точно не из сказки. Если бы не внешность – ему бы больше роль Кощея Бессмертного подошла. Жестокий и надменный, ну почему, как ни мечтаю держаться от него подальше, он все ближе оказывается! Каждый раз!!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.